

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет»

16⁺

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»
Институт гуманитарных исследований

ISSN 2658-7637

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XXIII

**Антропологические и этнологические
исследования: история и современность**

Сборник научных трудов к юбилею А.В. Черных

Под общей редакцией А.М. Белавина

Пермь
ПГГПУ
2023

УДК 39
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Т 782 **Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XXIII: Антропологические и этнологические исследования: история и современность: сб. науч. тр. к юбилею А.В. Черных / под общ. ред. А.М. Белавина; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2023. – 102 с.: ил. и табл. Текст (визуальный) : непосредственный.**

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Выпуск включает в себя статьи по антропологии, этнологии, филологии, фольклористике. Выпуск посвящен полувековому юбилею известного этнографа А.В. Черных.

Сборник будет полезен специалистам по истории, этнографии и фольклористике Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев.

УДК 39
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук проф. А.М. Белавин (гл. редактор);
д-р ист. наук, проф. Н.Б. Крыласова;
канд. ист. наук Н.С. Батуева;
канд. ист. наук, доц. А.Н. Сарапулов;
канд. ист. наук, доц. Ю.А. Подосенова

Издание осуществлено при поддержке Администрации губернатора Пермского края на средства подпрограммы «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае» государственной программы Пермского края «Общество и власть»

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© Коллектив авторов, 2023
© Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2023

ОТ РЕДАКТОРА

В декабре 2023 г. свой полувековой юбилей празднует один из ведущих этнологов современной России, крупный организатор науки и наш верный соратник Черных Александр Васильевич.

Он родился девятого декабря 1973 г. в с. Бедряж Чернушинского района Пермской области в семье сельских интеллигентов. Мама – Людмила Васильевна – учитель биологии, отец – Василий Михайлович – работал в управлении колхоза. В школе его особенно увлекала древняя история и походы, отсюда его постоянная тяга к научным экспедициям. В 1991 г. окончил

среднюю школу с серебряной медалью. С 1991 по 1996 г. обучался на историческом факультете Пермского государственного университета. Еще со студенческих лет работал научным сотрудником Областного краеведческого музея, его филиала в Хохловке. Принимал активное участие в фольклорных и этнографических экспедициях Пермского краеведческого музея, ПГУ, «Песельной артели», Екатеринбургского областного дома фольклора, сейчас ежегодно организует полевые этнографические исследования в Пермском крае и в соседних регионах. Окончив университет с отличием, поступил в аспирантуру ПГУ и в 1999 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Этнокультурная история Южного Прикамья по материалам традиционной календарной обрядности в конце XIX – начале XX в.» (научный руководитель Г.Н. Чагин).

В 2003 г., когда по решению Президиума УрО РАН в Перми открывался Отдел истории, археологии и этнографии Института истории и археологии УрО РАН (позже филиал), по рекомендации профессора И.А. Подюкова я пригласил Александра Васильевича в этот отдел. Он уже тогда был известным этнографом и имел около 20 разных публикаций, в том числе монографию, изданную на основе кандидатской диссертации, методическое пособие по сбору полевого этнографического материала и другие издания и статьи. Вероятно, этот мой выбор можно считать одним из самых удачных, что и доказано им защитой докторской диссертации в 2008 г., избранием при нашей активной поддержке профессором РАН в 2015 г. и через год – членом-корреспондентом РАН. Он первый член РАН – гуманитарий – в истории пермской науки.

В настоящее время Александр Васильевич работает заведующим сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии и директором Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. А.В. Черных ведет преподавательскую работу в ПГНИУ и ПГГПУ. Под его научным руководством защищено две кандидатские диссертации. Организатор различных конференций и конгрессов, руководитель многочисленных грантов, лауреат различных краевых и всероссийских премий. Награжден медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Это все можно долго-долго перечислять. Александр Васильевич автор около 400 научных работ, из них авторские и коллективные монографии, словари диалектной лексики, сборники фольклорных текстов и материалов.

В течение более 20 лет им проводятся масштабные полевые исследования в регионах Урала и сопредельных территорий, в том числе в рамках этнографической полевой практики студентов истфака в рамках КАЭЭ ПГГПУ. Исследованы этнокультурные комплексы народов Урала в контексте межэтнического взаимодействия. Определена специфика современных этнических процессов в регионе и особенностей реализации национальной политики. Увлеченный сбором нематериального наследия, он значительно расширил географию экспедиционной работы, как свою, так и сотрудников отдела, – от Калининграда и Мурманска до Сибири. Александр Васильевич много и активно работает, его с трудом удастся уговорить отдохнуть – творческая энергия переполняет его. В общем – он талантлив во всем.

Хочется от имени редколлегии выразить благодарность Юлии Сергеевне Чернышевой, взявшей на себя обязанности по формированию материалов сборника, и иным сотрудникам Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН, принимавшим активное участие в подготовке сборника.

От имени авторов сборника и членов редколлегии, а также всех студентов и аспирантов, которых привели в науку творческий задор, исследовательский и педагогический талант Александра Васильевича, мы поздравляем его с юбилеем и желаем многолетнего и успешного продолжения педагогического и научного творчества, новых открытий, добрых и последовательных учеников и вечной любви к науке и своим друзьям и коллегам!

А.М. Белавин,
гл. редактор

ПОЗДРАВЛЕНИЕ КОЛЛЕГЕ И СОРАТНИКУ

Александр Васильевич Черных – это такая «звездочка» в составе нашего Отделения историко-филологических наук Российской академии наук. Он был избран членом-корреспондентом по молодежной квоте, и, несмотря на то, что некоторые мои коллеги не одобряют такие квоты, в данном случае это решение себя счастливо оправдало. За время пребывания в составе РАН Александр Васильевич проявил себя как выдающийся специалист в области наших наук: прежде всего, в области этнологии, фольклористики, культурологии и некоторых других дисциплин, поскольку у него получается заниматься большими и интересными проектами. Они касаются, прежде всего, русской тематики: историко-культурных традиций русского населения и других народов в регионе Поволжья и Приуралья. Это – фундаментальные полевые исследования, это – кропотливая работа, связанная с изучением и сохранением отечественного историко-культурного наследия, с собиранием артефактов, с их описанием и презентацией.

Всё это находит выражение в замечательных книжных публикациях. Он очень умело составляет содержание и дизайн публикуемых трудов, и я всегда с удовольствием получаю от него очередной книжный подарок – как это всё красиво и со вкусом сделано. И это очень важно. Книга, несмотря на интерес к разным цифровым публикациям, остается с нами и будет оставаться основной формой реализации труда ученого-гуманитария. В этом отношении Александр Васильевич вместе с возглавляемым им небольшим коллективом делает очень большую работу.

Сегодня я его как выдающегося специалиста, как человека, сделавшего много в науке, и как успешного руководителя хорошо работающего научно-исследовательского института поздравляю с 50-летием. Вообще это даже не дата для ученого, так, своего рода начальный возраст, и впереди еще много новых трудов. Поэтому желаю ему долгих лет жизни, творческих успехов и жизненного благополучия. И, конечно, я советую своим коллегам и себе тоже присмотреться к Александру Васильевичу как к некоему примеру, к его умению вести себя соответственно любой обстановке, демонстрировать элегантность и интеллигентность и в то же время проявлять организованность и последовательность – вот те качества, которые мы можем позаимствовать у нашего юбиляра и ими руководствоваться, что особенно рекомендую молодежи.

Александр Васильевич, с юбилеем тебя! Рад нашему сотрудничеству!

Академик Валерий Тишков

УДК 929

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-6-20

Д.И. ВАЙМАН**К ЮБИЛЕЮ УЧИТЕЛЯ:
НАУЧНЫЙ ПУТЬ ЧЕРНЫХ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА***Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Российская Федерация*

Статья посвящена юбилею Александра Васильевича Черных – известного российского этнографа, специалиста по традиционной культуре народов Урала, этническим процессам в прошлом и настоящем. Рассматриваются биография исследователя, основные направления и результаты научных исследований.

Ключевые слова: *этнография народов Урало-Поволжья, этнография народов Пермского края, этнодисперсные группы, русский народный календарь в Прикамье, фольклорный архив, традиционный костюм народов Пермского края.*

D.I. VAIMAN**TO THE TEACHER'S ANNIVERSARY:
THE SCIENTIFIC WAY OF ALEXANDER VASILIEVICH CHERNYKH***Institute for Humanities Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation*

The article is dedicated to the anniversary of Alexander Vasilyevich Chernykh, a famous Russian ethnographer, Roma scholar, Finno-Ugric scholar, specialist in Russian culture as well as in the ethnography of the peoples of the Ural-Volga region. The article presents the main stages of his biography and important events in his scientific career. An analysis of the main works of A.V. Chernykh, who influenced the formation of the ethnography of the Perm region, is carried out.

Keywords: *ethnography of the peoples of the Ural-Volga region, ethnography of the peoples of the Perm region, ethnically dispersed groups, Russian folk calendar in the Kama region, folklore archive, traditional costume of the peoples of the Perm region.*

Александр Васильевич Черных родился 9 декабря 1973 г. в с. Бедряж Чернушинского района Пермской области в семье служащих. Именно в этом селе по распределению работали его родители. Детство и юность будущего исследователя прошли в пос. Куеда Пермской области. Среднее образование Александр Васильевич получал в Куединской средней школе (пос. Куеда

© Вайман Д.И., 2023

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Урал – этнокультурный перекресток», номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2

Пермского края), которую он окончил в 1991 г. с серебряной медалью. Уже в школьные годы определился интерес к истории и убеждение продолжить обучение на историческом факультете. Еще в школьные годы Александр Васильевич проявил и свой педагогический талант, когда, будучи старшеклассником, на протяжении учебного года он вел уроки немецкого языка. Об этом свидетельствует и первая запись в трудовой книжке: принят учителем иностранного языка.

После завершения обучения в школе Александр Васильевич поступил в Пермский государственный университет на исторический факультет. Будучи студентом, с 1993 г. работал научным сотрудником Пермского областного краеведческого музея, а с 1995 г. преподавал этнографию в школе № 72 г. Перми, где являлся одним из научных руководителей экспериментальной работы по этнокультурному образованию школьников.

Первые полевые этнографические изыскания Александра Васильевича проходили в Куединском районе Пермской области и были посвящены изучению русских и удмуртов. Возвращаясь на родину во время летних каникул, Александр Васильевич, будучи еще студентом Пермского государственного университета, на велосипеде обследовал соседние села и деревни районного центра. Будучи участником фольклорного ансамбля университета «Песельная артель», Александр Васильевич неоднократно принимал участие в фольклорных экспедициях, организованных коллективом, изучая песенную традицию русских сёл Пермского Прикамья.

Во время обучения в университете происходило формирование научных интересов и методологических подходов к полевой работе, возникших на стыке этнографии и фольклористики. Собранный во время студенческих экспедиций материал послужил основой для написания дипломной работы, посвященной этнокультурной истории удмуртов Пермского края, а также лег в основу дальнейших работ исследователя. В 1996 г. А.В. Черных оканчивает обучение в университете с красным дипломом и поступает в аспирантуру. Спустя три года – в 1999 г. – Александр Васильевич защищает кандидатскую диссертацию по теме «Этнокультурная история Южного Прикамья: по материалам традиционной календарной обрядности в конце XIX – начале XX вв.» (научный руководитель проф., д.и.н. Г.Н. Чагин). С этого же года Александр Васильевич приступил к преподавательской работе в качестве ассистента кафедры древней и новой истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета (ПГНИУ).

В Пермском государственном университете Александр Васильевич вел семинарские занятия по этнографии, читал лекции по музееведению, являлся руководителем этнографической практики для студентов. Во время работы Александра Васильевича в Пермском государственном университете каждое лето отряд студентов под его руководством отправлялся в районы Пермского

края для проведения комплексных исследований по этнографии. Во время этих экспедиций происходил также сбор музейных экспонатов для коллекций районных и областных музеев. В коллекциях Пермского областного краеведческого музея хранится множество предметов, собранных во время этнографических экспедиций, проводимых Александром Васильевичем. Неслучайно более десяти лет А.В. Черных посвятил музейной работе, с 1993 по 2003 г. работая научным сотрудником отдела фондов сектора этнографии, затем – старшим научным сотрудником сектора этнографии, заведующим сектором Пермского областного краеведческого музея, а также его филиала архитектурно-этнографического музея «Хохловка».

Важным для исследователя стал 2003 г.: в этом году в г. Перми на базе Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург) был создан его Пермский филиал – Отдел истории, археологии и этнографии, куда Александр Васильевич был приглашен в качестве старшего научного сотрудника. Кроме того, с 2003 г. Александр Васильевич преподает этнографию в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете. В 2006 г. получил звание доцента кафедры истории России исторического факультета, а с 2009 г. является профессором кафедры Отечественной и всеобщей истории, археологии ПГГПУ. С 2003 г. А.В. Черных занимает должность заведующего лабораторией этнопедагогики народов Прикамья Пермского областного Института повышения квалификации работников образования. Работая в Институте повышения образования, Александр Васильевич принимает активное участие в составлении концепции этнокультурного образования Пермского края, программ повышения квалификации педагогов. На начало 2000-х гг. приходятся и первые серьезные работы ученого, посвященные традиционной культуре русских, татар, удмуртов в Прикамье, праздничной культуре народов Пермского края, исследованию пермских цыган, таджиков и др. народов [Черных, 2002. 260 с.; Черных, 2003. 192 с.; Тулвинские татары и башкиры, 2004. 455 с.; Черных, 2004. 28 с.; Русские народные сказки, 2004. 280 с.].

С 2008 г. под редакцией и авторством А.В. Черных выходит серия книг «Этнодисперсные группы народов Пермского края», посвященная формированию, миграционным процессам, этнической культуре немцев, поляков, эстонцев, белорусов, китайцев, корейцев, чувашей, болгар в период XIX – начало XXI в. на территории Пермского края [Вайман, Черных, 2008. 223 с.; Черных, 2009. 304 с.; Черных, 2010. 244 с.; Черных, 2013. 320 с.; Черных, 2014. 272 с.].

С 2006 по 2014 г. ученый подготовил четыре исследовательских тома, посвященные русскому народному календарю в Прикамье. Данная серия книг раскрывает комплекс традиционной культуры русского населения Пермского края – календарные праздники и обряды [Черных, 2006. 368 с.; Черных, 2008. 368 с.; Черных, 2010. 296 с.; Черных, 2014. 256 с.].

В 2008 г. А.В. Черных защитил докторскую диссертацию на тему «Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX – середины XX вв. (региональный аспект праздничной культуры)» (научный консультант А.В. Головнёв).

В 2013 г. А.В. Черных становится заведующим сектором этнографических исследований в Отделе истории, археологии и этнографии, переданного из Института истории и археологии УрО РАН в состав Пермского научного центра УрО РАН.

В 2016 г. избран профессором РАН, а также членом-корреспондентом РАН по отделению историко-филологических наук.

На протяжении последних лет Александр Васильевич готовит к публикации несколько серийных изданий, одно из которых – «Фольклор народов России» – включает более десяти томов [Коми-пермяцкие загадки, 2010. 144 с.; Русские народные загадки, 2012. 256 с.; Рыболовный словарь, 2013. 216 с.; Коми-пермяцкий этнографический сборник, 2014. 256 с.; Традиционная кукла, 2014. 128 с.; Боба тэ, боба, 2015. 400 с.; Этнодиалектный словарь, 2019. 832 с.]. В этой серии Александр Васильевич выступает в качестве автора нескольких монографий, сборников и словарей, а также является научным редактором серии. Следующая серия книг – «Фольклорный архив. Пермский край» – посвящена изучению и публикации фольклорных текстов с современным медиаконтентом [Сказки Евдокии, 2020. 192 с.; Русские сказки, 2020. 240 с.; Песенная традиция, 2020. 456 с.; Курашимский завод, 2021. 486 с.; Черных, 2021. 552 с.; Песенная традиция, 2021. 188 с.].

В подготовленных на основе материалов полевых экспедиционных исследований сборниках рассматриваются особенности фольклора и традиционной культуры русских Урало-Поволжья. Изучаются исторические предания, особенности традиционного костюма, конфессиональные традиции, комплексы семейной обрядности.

Еще одна серия книг, подготовленная А.В. Черных, посвящена традиционному костюму народов Пермского края [Черных, 2017. 416 с.; Традиционный костюм, 2019. 432 с.; Черных, 2020. 468 с.; Черных, 2020. 540 с.; Черных, 2021. 528 с.].

Кроме того, среди последних научных изданий стоит отметить цикл «Коми-пермяки. Этнографический альбом», основанный на коллекциях фотографий коми-пермяков XIX и XX вв. [Черных, 2023. 504 с.; Черных, 2021. 372 с.].

Особого внимания заслуживает цыгановедческое направление научных исследований: Александр Васильевич является одним из ведущих специалистов по изучению этнической истории и традиционной культуры цыганских сообществ в России. Под его авторством вышло более десятка статей, несколько монографий и сборников, затрагивающих разные аспекты истории и

культуры цыган в России. Одной из наиболее значимых работ является монография «Цыгане» 2018 г. в серии «Народы и культуры», где Александр Васильевич выступил одним из научных редакторов, а также автором нескольких разделов [Цыгане, 2018. 614 с.].

Основные результаты научной деятельности А.В. Черных связаны с изучением этнической истории и традиционной культуры народов Урала в контексте культурных связей с другими регионами: определены специфика современных этнических процессов и особенности реализации национальной политики в Прикамье. А.В. Черных является автором концепции формирования этнодисперсных групп народов Урала, их адаптации к новым природно-климатическим и этнокультурным реалиям.

В своих работах Александр Васильевич исследовал региональные особенности календарной обрядности русских, комплексы традиционной культуры локальных групп марийцев, поляков, немцев, белорусов, татар, башкир, коми-пермяков, удмуртов, цыган, чувашей Пермского края. В работах учёного охарактеризованы праздники и обрядовый фольклор, традиционные промыслы и костюм народов Прикамья.

Сегодня научные исследования Александра Васильевича охватывают несколько направлений, касающихся как разработки традиционных для российской этнографии тем, так и современных антропологических тематик, городского этнокультурного ландшафта, этнокультурных процессов и национальной политики.

А.В. Черных – автор более 460 научных публикаций, из них более 30 авторских и коллективных монографий, словарей диалектной лексики. Принимал участие в работе многих региональных, республиканских, международных научных конференций, семинаров и симпозиумов.

Александр Васильевич является опытным полевиком, передавшим знания и навыки своим ученикам. Он множество раз возглавлял полевые этнографические изыскания и принимал активное участие в работе фольклорных и этнографических экспедиций Пермского краеведческого музея, Пермского государственного университета, «Песельной артели», Екатеринбургского областного дома фольклора, Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. За годы научной работы А.В. Черных проводил исследования в Пермском крае, Республике Татарстан, Республике Марий Эл, Республике Башкортостан, Удмуртской Республике, Владимирской, Тульской, Рязанской, Челябинской, Калининградской, Мурманской, Свердловской, Оренбургской, Омской, Кировской областях. А.В. Черных занимался собирательской работой практически во всех районах Пермского края. В какую бы деревню Пермского края ни приехала экспедиция Александра Васильевича, его все знают и встречают как самого дорого гостя. Александр Васильевич с большой любовью относится к своей работе, к культуре и традициям, к своей профессии и призванию ученого!

Итоги научных исследований получили высокую оценку общественности, за издания «Антология традиционного фольклора народов Пермского края», серии работ по этнографии Урала А.В. Черных является лауреатом премии Пермского края в сфере культуры (1997, 2012, 2013, 2020 гг.), А.В. Черных – лауреат Премии Пермского края в сфере науки (2003, 2015), лауреат всероссийской общественной премии в сфере науки среди молодых ученых «Серебряный голубь» (2005), лауреат конкурса среди молодых ученых «Лучший молодой ученый Приволжского федерального округа в сфере гуманитарных наук» (2012), лауреат всероссийской премии «Гордость нации» 1-й степени в номинации «За лучший проект национально-культурных объединений в сфере межнациональных отношений» (2020), премии Пермского края в области науки за лучшую работу по направлению «Гуманитарные науки» (2021). Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2022).

Полученные автором результаты востребованы и задействованы как в научном, так и широком общественном контексте. Они используются в рамках образовательной и культурной политики региона. Результаты исследований востребованы органами региональной государственной власти, муниципальными учреждениями, общественными движениями для формирования национальной и этнокультурной политики, программ сохранения и развития этнокультурного потенциала территории.

А.В. Черных является одним из авторов Концепции развития этнокультурного образования Пермского края, Концепции развития Архитектурно-этнографического музея «Хохловка» (Пермский край), Концепции развития Архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай» (Удмуртская Республика), региональных программ национальной политики. Стоит особо отметить принятый в 2022 г. Федеральный закон о нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации, в подготовке и обсуждении которого в составе рабочей группы принимал участие А.В. Черных.

Помимо научной работы, Александр Васильевич осуществляет активную педагогическую деятельность. Ученый ведет преподавание в Пермском государственном национальном исследовательском университете, Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете (курсы «Этнология», «Этнография финно-угорских народов», «Коми-пермяцкая этнография», «Этнокультурное регионоведение», «Традиционная культура народов Урала», «Культура финно-угорских народов», «Историческая и культурная антропология», «Социальная антропология», «Традиционная календарная обрядность»), ведёт подготовку аспирантов. Под его научным руководством защищено две кандидатские диссертации.

А.В. Черных является членом учёного совета Пермского краеведческого музея, научного совета Пермского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Пермского края, входит в состав Ко-

ординационного совета по национальным вопросам администрации губернатора Пермского края, экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей, научного совета по комплексным проблемам этничности РАН.

Александр Васильевич является членом редакционного совета журнала «Культурный код», членом редакционной коллегии журналов «Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев», «Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки», «Традиционная культура», «Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья», «Вестник Пермского федерального исследовательского центра», «Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья».

Более десяти лет А.В. Черных является научным руководителем Всероссийского форума национального единства, руководителем и исполнителем российских и международных проектов (Россия, Республика Беларусь, КНР, Великобритания, Польша), в том числе проектов РГНФ, РФФИ, РНФ, грантов Президента РФ. Александр Васильевич в разные годы являлся председателем оргкомитета IV Всероссийского конгресса фольклористов, международных конференций «Славянская традиционная культура и современный мир», «Поляки в истории и культуре Урала» и др.

С 2019 г. Александр Васильевич выступает в качестве председателя экспертного совета по вопросам формирования Федерального государственного реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации в тесном сотрудничестве с Государственным Российским домом народного творчества им. В.С. Поленова (г. Москва). С 2023 г. Александр Васильевич – председатель регионального отделения Российского исторического общества в Пермском крае.

В 2021 г. Александр Васильевич становится одним из инициаторов создания в г. Перми Института гуманитарных исследований УрО РАН, образованного годом позже на базе Отдела истории, археологии и этнографии и Отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

В настоящее время А.В. Черных занимает должность главного научного сотрудника и директора Института гуманитарных исследований УрО РАН (филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН). Сегодня под руководством Александра Васильевича в Перми сформировалась Пермская этнографическая школа. Институт гуманитарных исследований по праву может считаться одним из основных центров фольклорных, антропологических и этнографических исследований на Урале.

Поздравляя с юбилеем, хочется поблагодарить Александра Васильевича за его труд, за его помощь ученикам в их научном пути, создание настоящей команды соратников и единомышленников, а также пожелать ему дальнейших

успехов, энергии научного поиска, плодотворной исследовательской и педагогической работы, направленной на сохранение и развитие лучших традиций отечественной науки, ярких продолжателей научной школы.

Библиографический список

Белорусы в Пермском крае / А.В. Черных, Т.Г. Голева, М.С. Каменских, С.А. Шевырин. – СПб.: Маматов, 2013. – 320 с.

Боба тэ, боба, кытчö тэ ветлін? / Боба ты, боба, куда ты ходил? Детский фольклор коми-пермяков: сборник фольклорных текстов и комментарии / сост. Т.Г. Голева, А.С. Лобанова, Н.А. Мальцева, И.А. Подюков, А.В. Черных. – СПб.: Маматов, 2015. – 400 с.

Вайман Д.И., Черных А.В. Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура в XX – начало XXI в. *Deutsche einzelgehöfte der Prikamje region*. – СПб.: Маматов, 2008. – 223 с.

Зверева Ю.В., Русинова И.И., Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2019. – 432 с.

Коми-пермяки на фотографиях XX в. Этнографический альбом / А.В. Черных (отв. ред.), А.В. Вострокнутов, Д.И. Вайман, Г.Ю. Устьянцев, Ю.А. Кашаева, Е.М. Дунина, Т.В. Щукина. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2023. – 504 с.

Красный круг по небу катается Гёрд гёглян небоёт тарласьö. Коми-пермяцкие загадки: сборник фольклорных текстов и комментарии / В.Н. Бойко, Т.Г. Голева, А.С. Лобанова, А.В. Черных. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2010. – 144 с.

Песенная традиция деревни Суюрка Куединского района Пермского края: свадебный фольклор / А.В. Черных (отв. ред.), А.А. Мехнецов, Г.Н. Мехнецова, Ю.С. Чернышева, И.И. Русинова, О.С. Сивков, М.Е. Суханова. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2021. – 188 с.

Песенная традиция русских сел Октябрьского района Пермского края в записях конца XX века / А.В. Черных (отв. ред.), О.С. Сивков, И.И. Русинова, Ю.С. Чернышева, М.Е. Суханова, Е.Н. Свалова. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. – 456 с.

Подюков И.А., Свалова Е.Н., Черных А.В. Коми-пермяцкий этнографический сборник / под ред. А.В. Черных, А.С. Лобановой // Труды Ин-та языка, ист. и trad. к-ры коми-перм. народа. – Вып. X. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2014. – 256 с.

Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии / А.В. Черных (ред.). – СПб.: Маматов, 2009. – 304 с.

Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / сост. И.А. Подюков, А.В. Черных. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2012. – 256 с.

Русские народные сказки Пермского края / сост. А.В. Черных. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 2004. – 280 с.

Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в. / А.В. Черных (отв. ред.), В.Е. Добровольская, И.И. Русинова, И.А. Подюков, М.Е. Суханова, О.С. Сивков, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, С.Ю. Королева. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. – 240 с.

Рыболовный словарь Прикамья / М.А. Бакланов, А.М. Белавин, В.В. Жук, С.В. Хоробрых, А.В. Черных; науч. ред.: И.А. Подюков. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2013. – 216 с.

Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В.Е. Добровольская, Г.Н. Мехнецов, И.И. Русинова, О.С. Сивков, М.Е. Суханова, А.В. Черных (отв.ред.). – СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. – 192 с.

Традиционная кукла народов Пермского края / А.В. Черных, Н.Б. Крыласова, Е.В. Попова, Т.Г. Голева, О.Н. Попова, Д.И. Вайман. – СПб.: Маматов, 2014. – 128 с.

Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: материалы и исследования: коллективная монография / А.В. Черных (отв.ред.), И.И. Русинова, Ю.А. Кашаева, А.В. Вострокнутов, Д.И. Вайман, С.Ю. Королёва, О.С. Сивков, М.А. Брюханова. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2021. – 486 с.

Традиционная культура русских республики Татарстан: материалы и исследования: коллективная монография / А.В. Черных (отв. ред.); В.Е. Добровольская (отв. ред.), И.И. Русинова, А.В. Вострокнутов, Ю.С. Чернышева. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2021. – 552 с.

Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты / авторский коллектив: А.В. Черных, Л.И. Урстемирова, А.А. Плюхин, Д.Ф. Моргун, Д.Д. Мулланурова. Пермь, 2004. – 455 с.

Цыгане / Н.Г. Деметер, А.В. Черных, В.А. Тишков [и др.]. – М.: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр "Наука"», 2018. – 614 с.

Черных А.В. Коми-пермяки на фотографиях второй половины XIX – начала XX в. Этнографический альбом. – СПб.: Маматов, 2021. – 372 с.

Черных А.В. Куединские праздники: календарная обрядность русских Куединского района Пермской области в кон. XIX – первой пол. XX вв. Материалы и исследования. – Пермь, 2003. – 192 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. IV. Местные праздники. – СПб.: Маматов, 2014. – 256 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды кон. XIX – первой пол. XX в. Ч. 1. Весна, лето, осень. – Пермь, 2006. – 368 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды кон. XIX – первой пол. XX в. Ч. 2. Зима. – Пермь: Пушка, 2008. – 368 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды кон. XIX – первой пол. XX в. Словарь хрононимов. – Пермь, 2010. – Ч. 3. – 296 с.

Черных А.В. Таджики в Перми: Очерки этнокультурного развития. – Пермь, 2004. – 28 с.

Черных А.В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX вв.: по материалам южных районов Пермской области. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. – 260 с.

Черных А.В., Каменских М.С. Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. – СПб.: Маматов, 2014. – 272 с.

Черных А.В., Шевырин С.А., Голева Т.Г. Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. – СПб.: Маматов, 2010. – 244 с.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Марийцы. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2021. – 528 с.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Мужская одежда. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. – 540 с.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Татары и башкиры. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2017. – 416 с.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Удмурты. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. – 468 с.

Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края / И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, С.Ю. Королёва; отв. ред. И.И. Русинова. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2019. – 832 с.

Сведения об авторе:

Вайман Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: dmitrii-vaiman@yandex.ru.

About the author:

Dmitrii I. Vaiman, PhD in History, Senior Researcher, Department of History, Archaeology and Ethnography, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Perm, Russian Federation, e-mail: dmitrii-vaiman@yandex.ru.

А.В. Черных беседует с участниками фольклорного коллектива деревни Кукушка Кочевского района Пермского края

А.В. Черных среди участников экспедиции в Мурманскую область, 2023 г.

В Челябинской области, рабочий момент экспедиции, 2022 г.

На презентации книги по удмуртскому костюму в парке
«Россия. Моя история», 2020 г.

Село Новомарьевка Оренбургской области, рабочий момент, 2012 г.

XV Конгресс антропологов и этнологов России, рабочий момент, 2023 г.

С сыном Иваном, Юрлинский район, с. Титова, 2016 г.

В Оренбургской степи, 2012 г.

УДК 316.4

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-21-30

А.В. ГОЛОВНЁВ**МНОГОНАРОДНОСТЬ В РЕПЕРТУАРЕ ЭТНОГРАФА**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В этнографии и антропологии представлены позиции изучения одного народа и исследования многонародности, обладающие своими целеполаганиями и преимуществами. При этом отечественной этнографии и зарубежной антропологии свойственны разные подходы к полиэтничности: в классической европейской эволюционистской сборке XIX в. она – база данных по примитивным народам и культурам для построения общей схемы прогресса, в российской народоведческой традиции XVIII в. – это этнопортрет империи, образ многонародной страны. Одним из достижений раннего российского народоведения можно считать концепции происхождения разных народов империи, тогда как западная антропология уделяла подобным сюжетам заметно меньше внимания в пользу общей теории антропогенеза. В проекции многонародности этногенез разворачивается в расширенном диапазоне, а опыты изучения происхождения народов показывают, что штучного этногенеза не бывает – он всегда полиэтничен. Этногенез – не столько обособление народа, сколько обретение им места в многонародном сообществе, в этноценозе. В этом же ключе можно трактовать известный тезис холизма «целое больше суммы его частей», в проекции которого Россия представляет собой целостную этнокультурную систему, основанную на многообразных взаимосвязях. При этом этническая самобытность оказывается фактором не обособления, а взаимодействия, а многонародность предстает не суммой (списком) народов, а конфигурацией связей их деятельностных ниш.

Ключевые слова: многонародность, этногенез, этноценоз, этнография.

A.V. GOLOVNEV**MULTIETHNICITY IN ETHNOGRAPHER'S REPERTOIRE**

*Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Ethnography and anthropology present the positions of studying one people and exploring multiethnicity, which have their own goals and advantages. At the same time, Russian ethnography and Western anthropology are characterized by different approaches to multiethnicity: in the classical European evolutionist assembly of the 19th century, it is a database on primitive peoples and cultures for constructing a general scheme of progress; in Russian folk studies of the 18th century, it is an ethnoportrait of the empire, an image of a multi-ethnic country. One of the achievements of early Russian ethnography can be considered the concept of ethnogenesis, while Western anthropology paid noticeably less attention to such subjects in favor of the general theory of anthropogenesis. In the projection of multiethnicity, ethnogenesis unfolds in an expanded range, and experiments in studying the de-

scent of peoples show that there is no piecemeal ethnogenesis – it is always multiethnic. Ethnogenesis is not so much the isolation of a people as its finding a place in a multiethnic community, in an ethnocenosis. In the same vein, one can interpret the well-known thesis of holism “the whole is greater than the sum of its parts,” in the projection of which Russia is an integral ethnocultural system based on various relationships. The ethnic identity turns out to be a factor not of isolation, but of interaction, and multiethnicity appears not as a sum (list) of peoples, but as a configuration of connections between their activity niches.

Keywords: *multiethnicity, ethnogenesis, ethnocenosis, ethnography.*

Башкиры, белорусы, болгары, китайцы, коми-пермяки, латыши, марийцы, немцы, осетины, поляки, русские, татары, удмурты, украинцы, цыгане, чувашаи, эстонцы – неполный перечень народов, чьи традиции, обряды, фольклор и другие черты культуры исследует на Урале (преимущественно в Пермском крае) Александр Васильевич Черных [2004; 2006–2010 и др.]. По его мнению, сравнительное изучение народов позволяет выявить «разные формы самоорганизации этнической группы», «степень и характер сохранения этнического самосознания, языка, традиционной культуры, воспроизводства этнической культуры в разных условиях», «характер, формы, направления и результаты межэтнического взаимодействия» [Черных, 2015, с. 22]. Подобный подход дает возможность не только создать полноценную этнокультурную панораму целого региона (Приуралья), но и адекватно передать этническую реальность, которая состоит не в обособленности отдельных народов, а в их соседстве, смешанности и многообразном взаимодействии. Этнограф-полевик, как и положено ему, не создает искусственных образов-конструктов, а считывает действительность в ее обыденных проявлениях.

Между тем в отечественной этнографии и зарубежной антропологии представлена и альтернативная позиция, состоящая в специализации на одном народе, в своего рода посвящении исследователя «избранному» им народу. Иногда этнографы называют друг друга по этничности изучаемого народа (монголовед, татаровед, русист, семитолог, арабист) и группируются по языковым семьям и группам (финно-угровед, уралист, тюрколог и др.). Известны случаи «территориальной агрессии» и ревности при переходе исследователями этноязыковых границ и вторжении, например, тюрколога в русистику или наоборот. В советскую эпоху многие сотрудники Института этнографии АН СССР, за исключением так называемых «теоретиков», были распределены «по народам» и в коллективных трудах писали разделы неизменно о «своих» народах. При этом все помнили заповедь этнографа (в огласовке Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза): «Кто знает один народ, не знает ни одного».

Насколько исследовательское предпочтение – погружение в изучение одного народа или сопоставительный охват нескольких народов – можно считать волеизъявлением автора или велением времени/ситуации? Или, вернее, вести речь о спонтанно складывающемся балансе интересов, или «разделении труда», когда одни специализируются на отдельных народах, другие – на поли-

этнических сообществах или на сопоставлении этнических характеристик, как, например, принято в медицине, предполагающей как общую диагностику (терапевт), так и узкую специализацию (отоларинголог, маммолог, черепно-лицевой хирург и др.)?

Между антропологией и этнографией

Антропология и этнография (этнология) напрасно считаются почти синонимами; на самом деле они различаются ракурсами и ключевыми персонажами исследования: в антропологии главным героем выступает человек, в этнографии – народ. Разумеется, народ и человек взаимосвязаны как разные образы одной действительности, но именно разность этих точек зрения (отсчета, опоры) предопределяет особенности расклада того, что в науке называется объектом и предметом.

Этнография и антропология образовались в разное время и в разных обстоятельствах. Наука этнография (рус. *народоведение*) родилась в XVIII в. на просторах России в путешествиях ученых Санкт-Петербургской академии наук (Г.Ф. Миллер, С.П. Крашенинников, П.С. Паллас, И.Г. Георги, И.И. Лепехин и др.), социокультурная антропология – веком позже, в XIX в., в трудах европейских эволюционистов (А. Бастиан, Э.Б. Тайлор, Л.Г. Морган, Дж.Дж. Фрэнз и др.). Первый систематический этнографический свод народов Российской империи в народоведческом стиле вышел из-под пера Иоганна Георги в 1776 г. [Георги, 1776–1777]; первый сводный обзор культур народов мира в эволюционистской аранжировке Эдуарда Тайлора – в 1871 г. [Tylor, 1871].

Российское народоведение рождалось как эмпирико-практическое знание, заданное целями самопознания и самоорганизации империи: этнография по-русски – картина многонародности – создана исследователями-путешественниками XVIII в. под патронатом имперской власти. Европейская наука о человеке сформировалась в борьбе с креационизмом и с претензией на замещение идеи божественного творения мира идеей эволюции; тем самым эволюционизм объявил себя (подобно религии) абсолютным истинным знанием и приобрел вид универсальной антропологии, в которой человечество выстроено в пирамиду эволюции, низшие ступени которой (дикость и варварство) отведены исследуемым, а высшая (цивилизация) – исследующим. Российское народоведение фокусировалось на отдельном народе и имперской галерее народов, тогда как западная антропология синтезировала общий ход эволюции человечества из фрагментов разных культур. В фокусе западных эволюционистов XIX в. оказываются не народы (как у российских академиков XVIII в.), а стадии прогресса, для иллюстрации которых культуры народов мира служат «сырьевой» базой данных [Головнёв, 2018].

Свод И.Г. Георги включал сведения о 80 народах России, в концептуальном отношении сочетая: (а) принципы систематики К. Линнея; (б) основы языковой классификации Г. Лейбница; (в) народоописательный алгоритм Г.Ф. Миллера; (г) концепции народа в истории А. Шлёцера; (д) сравнительный метод с опорой на «референтные народы» П.С. Палласа. Каждый народ удостоен в описании Георги отдельного раздела, а общими для всех характеристиками послужили: территория, происхождение/название, внешний облик, язык, образ жизни (хозяйство), жилище, одежда, пища, дань/торговля, воспитание/нравственность, обряды жизненного цикла, религия.

В русском переводе книги Э.Б. Тайлора «Первобытная культура» указатель этнонимов содержит без малого четыре сотни наименований; впрочем, этот список составил не сам автор, а Е.А. Шервуд в порядке подготовки русского издания [Тайлор, 1989, с. 525–540]. Классика эволюционизма интересовали не собственно народы, а их первобытность, пережитки, мифология и анимизм.

Многонародность у Георги и Тайлора разная. В эволюционистской сборке Тайлора она – база данных по примитивным (так называется книга) народам и культурам, вернее, по одной культуре – всеобщей всечеловеческой, на низшей ступени которой расположены рассматриваемые племена дикарей. А венцом всемирной культуры является, разумеется, европейская цивилизация, от лица которой идет повествование. 80 народов Георги – это «этнопортрет империи», образ многонародной страны. Предисловие ко 2-му изданию его «Описания» содержит многозначительный пассаж: «Известно всякому сведущему о государствах и владениях, на земном шаре существующих, что нет на оном ни одного такого, которое вмещало бы в себя столь великое множество различных народов, как Российская держава» [Георги, 1799, с.vi]. Эта идея на разные лады повторялась в конце XVIII в. и утвердилась как формула самоопределения России.

Ракурсы этногенеза

Одним из достижений российского народоведения XVIII в. можно считать концепции происхождения разных народов империи, тогда как западная антропология XIX в. уделяла подобным сюжетам заметно меньше внимания в пользу общей теории антропогенеза. И сегодня в западной антропологии понятие «этногенез», если и используется, то в кавычках и по большей части применительно к древности. Например, Э. Гиллет полагает, что «теория этногенеза» позволяет видеть движущую силу транзита от античности к средневековью «не в экономике, религии или войне, а в этничности» [Gillet, 2006, p. 242]. При этом, правда, автор приписывает изобретение термина *Ethnogenesis* немецкому медиевисту Р. Венксусу, издавшему в 1961 г. книгу «Формирование

племен и конституция: становление раннесредневековых родов», хотя в России это понятие было в ходу с дореволюционных времен: Н.М. Могилянский упоминал «этногенезис» в дискуссии 1916 г.; термин «этногония» использовал Н.Я. Марр для построения всеобщей схемы происхождения и стадийного развития языков; с его благословения археолого-этнографическое совещание 1932 г. определило «процесс этногенезиса и расселения этнических и национальных групп» одним из приоритетов исследований. В те годы разворачивалась кампания идеологической и физической травли этнографов, и платформа этногенеза послужила убежищем отечественной науки о народах: именно этногенез оказался спасительной темой, под сенью которой в союзе с археологией, лингвистикой и физической антропологией выжила и восстановилась советская этнография, достигнув пика «этногенетической эйфории» в работах С.П. Толстова, С.А. Токарева, В.Н. Чернецова, Б.О. Долгих, Л.Н. Гумилева, В.П. Алексеева и др. Погружению этнографов в тематику этногенеза с середины 1930-х гг. сопутствовала идеологическая борьба с арийской, миграционистской и другими теориями, актуализировавшими древности. В 1938 г. на междисциплинарном совещании в ГАИМК была учреждена комиссия по проблемам этногенеза под председательством А.Д. Удальцова. Тон в этногенетических исследованиях задавали советские археологи-автохтонисты, сражавшиеся с немцами-миграционистами (Г. Коссиной и его последователями) в споре за пространство прагерманских и праславянских племен Европы. Этот период в истории отечественной науки можно назвать «эпохой этногенеза» [Головнёв, 2018].

Западные коллеги вполголоса иронизируют по поводу увлеченности российских (советских) этнографов сюжетами этногенеза и этнической истории. Эта разность во вкусах и предпочтениях отражает особенности ценностных установок, а не стадию развития науки (вообще стадийность – удобный эволюционистский прием расстановки народов и стран по ступеням дикости, варварства и цивилизации на пирамиде прогресса, увенчанной европейскими образцами). В постсоветское время, когда на Западе этничность отошла в тень идеологий глобализма, миллениаризма, евроинтеграции, «плавильного котла» и др., Россию озарил фейерверк вспышек этничности и разнообразных национализмов. У науки о народах «разъехались ноги»: с одной стороны, действительность показывала резкий рост актуальности этнических (национальных, националистических) вопросов, с другой – хлынувшая на просторы России западная «универсальная антропология» вместо ответов на эти вопросы отторгала этничность и клеймила ее как нечто вроде «родимого пятна социализма» или причисляла к разряду «воображаемых» явлений. На самом деле советская иллюзия растворения этничности в «новой исторической общности *советский народ*» сменилась конструктивистской иллюзией «воображаемости» этничности. До сих пор эта смута в умах мешает воспринять концепцию многонародности как поч-

венную национальную идею и конкурентное преимущество России. Между тем для отечественного народоведения этногенез и этноистория во все времена были особым профильным знанием, полем актуальных изысканий и достижений на фоне пестрой мозаики мировой антропологии [Головнёв, 2022].

В проекции многонародности этногенез разворачивается в расширенном диапазоне. Многочисленные опыты изучения происхождения народов показывают, что «штучного этногенеза не бывает – он всегда полиэтничен» [Головнёв, 2023, с. 33]. Этногенез – не столько обособление народа, сколько обретение им места в многонародном сообществе, в этноценозе. Не случайно в нем часто фигурирует соотношение «мы – они», только напрасно оно называется «антитезой»; точнее видеть в нем не отторжение, а соположение, не расхождение, а схождение.

Научный ум любит разделять соединенное, анализировать синтезированное; более того, это необходимо для понимания сути вещей. Но не надо думать, что эта интеллектуальная процедура соответствует естественному (историческому) ходу событий. Предлагаемый новый ракурс концептуализации этногенеза состоит в схождении, а не расхождении народов. При этом схождение следует понимать не как слияние и унификацию, а как распределение между народами жизненного и деятельностного пространства при сохранении и даже усилении их этнической самобытности. Иначе говоря, содержание этногенеза состоит в сложении устойчивого этноценоза с распределением этнокультурных ниш и ролей.

Иллюстрацией такого видения этногенеза может служить картина этнокультурной специализации самодийцев и угров Урала и Сибири. В самом общем плане можно назвать ненцев оленеводами, хантов – рыболовами, манси и селькупов – охотниками; соответственно распределялись их жизненные экониши, а также предлагаемая на обмен профильная продукция. Впрочем, культурно-хозяйственная мозаика была много сложнее, поскольку в каждом из сообществ выделялись группы со своей территориальной и производственной специализацией: среди ненцев-оленеводов так выглядели группы рыбаков, зверобоев, лесных охотников, среди хантов – группы рыболовов низовий и верховий рек, охотники-оленеводы лесотундры и др. Благодаря распределению деятельностного пространства и специализации в этноценозе соседние народы сохранили самобытность, несмотря на долговременное соседство и плотные контакты (в том числе брачные). По мере появления новых действующих лиц урало-сибирский этноценоз усложнялся и видоизменялся. Так, чрезуральские миграции пермян (коми) заметно подняли уровень торговли и товарности в экономике региона, а русские принесли с собой административные центры, пушной бум и обновление промыслового инвентаря.

Отдельного упоминания заслуживают средневековые пути и коммуникации. На первый взгляд, может показаться, что одни районы были более проходимы, другие менее, третьи вовсе неприступны (например, болота Обь-Иртышского междуречья). На самом деле непроходимых территорий не было, и среди народов Урала и Сибири сложилось своего рода «распределение путей», наподобие разделения труда. Оленеводы преодолевали открытые пространства тундры, недоступные пешим охотникам; рыболовы проходили по рекам и протокам, неудобным для оленеводов и коневодов; пешие охотники с помощью собак осваивали огромные площади таежных буреломов. При этом транспортные средства и пути варьировались в разные сезоны, а в целом существовала сложная сеть коммуникаций на огромном пространстве уральских тундр, лесов и степей. По правилу «эстафеты движения» поддерживались коммуникации во всей северной Евразии, включая Арктику, где пересекались сухие и водные пути мореходов, речных людей, коневодов, оленеводов, собаководов и мастеров пешего хода.

Целое больше суммы его частей

Этот тезис из «Метафизики» Аристотеля служит опорой для суждений о свойствах единства и целостности, например, в концепциях холизма, гештальта, системного, интегрального и органицистского подходов. Автор теории холизма, южноафриканский (бурский) политик и философ Ян Смэтс, видел ход и смысл креативной эволюции в «созидании все более высокоорганизованного единства» [Smuts, 1926, p. 99]. Смэтс был не только теоретиком, но и практиком креативной эволюции, выступив, вместе со своими единомышленниками, архитектором Лиги Наций и Организации Объединенных Наций (кстати, он единственный поставил свою подпись под уставами как ЛН, так и ООН). Правда, судя по его политическим предпочтениям, высокоорганизованным единством он считал и систему расовой сегрегации в Южноафриканском Союзе, и колониальное единство Британского Содружества, остро переживая его распад, в частности выход из него Индии.

Впрочем, Индия сама по себе – сложное и высокоорганизованное этнокультурное сообщество-единство, не сводимое к сумме его частей. Всех, кто ступает на землю Индии или хотя бы обращается к чтению книг о ней, поражает головокружительная многоликость и сложность индийских ритуалов и верований, одежд и украшений, запахов и звуков, храмовых, рыночных и уличных ритмов (меня с первых минут в Дели впечатлил «индийский драйв» – гудящий хаотичный поток машин и прочих повозок, беснующихся на дорогах без всяких правил; в этом драйве спокойные до невозмутимости индийцы предстают в совершенно иной ипостаси). Ключ к этой сложности (сходный

с мотивами холизма) мне предложил сикхский проповедник в делийском храме Гундвара Бангла Сахиб. В беседе о смысле творения мира он водил меня по храму, представляя знакомым сикхам, и растолковывал значения исполняемых обрядов, попутно заметив: «Все эти обряды – пустяки, обладающие смыслом лишь постольку, поскольку объединяют людей в общину». А суть творения мира, по его словам, состоит в явлении божественной системы, которую пытаются подорвать зависть, жадность и эгоизм. И первородный грех (пожирание плода и проч.) состоял в посягательстве на эту целостную систему. В ходе двухчасовой беседы мне стало понятно, что именно мембрана «системы» позволяет индийцам безошибочно двигаться и действовать в космосе под названием Индия.

Нечто подобное складывается из впечатлений от Кавказа, где во множестве этнокультурных особенностей, индивидуальных и общинных интересов, межэтнических и межконфессиональных контактов и конфликтов присутствует некая целостная культура (этика, философия) общения и взаимодействия, встроенная в психику каждого человека. Подобный взгляд позволяет видеть в Кавказе многоликую, но взаимосвязанную этнокультурную систему. В свое время А.Н. Генко, подбирая ключ к обобщенному обзору Кавказа, особое внимание обращал на своего рода «разделение труда» среди кавказских народов: черкесы (адыги) – воины и скотоводы, абхазы – земледельцы и виноградары, армяне – торговцы, лакцы – ремесленники по металлу и коже, кубачинцы – ювелиры и оружейники, казикумухцы – бродячие лудильщики и распространители ислама, андийцы – изготовители лучших бурок, курды – воинственные полукочевые скотоводы, таты и талыши – земледельцы, персы – торговцы сладостями и мороженым, турки – табачники и владельцы кофейных лавок, ахвахцы – торговцы древесным углем, айсоры (ассирийцы) – чистильщики сапог и т.д. [Генко, 2021, с. 40–173]. Со времен Генко (начало XX в.) многое изменилось, но этнокультурное «разделение труда» осталось; хотя точнее его называть не разделением, а объединением, поскольку смысл специализации состоит как раз не в размежевании (что бросается в глаза исследователям), а в сочетании (что не столь заметно, но заслуживает повышенного внимания).

Наконец, вся Россия представляет собой целостную этнокультурную систему, основанную на многообразных взаимосвязях. Как и в предыдущих случаях, сообщество народов существует благодаря межэтническому синтезу деятельностных ниш (снаружи напоминающему «разделение труда», а в действительности представляющему собой сочетание различных этнокультурных ресурсов/умений/ролей). В этом отношении самобытность оказывается фактором не обособления, а взаимодействия, а многонародность предстает не суммой (списком) народов, а конфигурацией связей их деятельностных ниш.

При рассмотрении многонародности удобно использовать понятие «этноценоз» – сложноорганизованное сообщество, в котором народы и их группы обладают самобытностью и занимают собственные пространственные и функциональные ниши. Они различаются опытом экосоциальной адаптации, стратегией этнического поведения и этнокультурным потенциалом. В зависимости от расселения, численности, сплоченности, культурно-хозяйственной специализации, религиозной традиции, языкового поведения и других особенностей народы играют свои роли в этноценозе. Ниши и роли могут изменяться и обновляться, но именно они обеспечивают самобытность народа и целостность общей этнокультурной системы. Эта тема, на мой взгляд, заслуживает особого внимания этнографов, настроенных на изучение феномена многонародности.

Библиографический список

Генко А.Н. Введение в этнографию Кавказа. – Сухум: Academia, 2021. – 418 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. I–II (1776); III (1777). – СПб.: Изд. К.В. Миллера, тип. Кадетского корпуса, 1776–1777.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. I. – СПб., 1799. – 76 с.

Головнёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. – 2018. – № 1. – С. 6–39.

Головнёв А.В. Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. – 2022. – № 4(18). – С. 6–32.

Головнёв А.В. Этногенез как пасьянс: о происхождении самодийцев и угров // Этнография. – 2023. – № 3(21). – С. 6–44.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989.

Черных А.В. Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 2004.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды кон. XIX – первой пол. XX в. Ч. I–III. – Пермь: Пушка, 2006; 2008; 2010.

Черных А.В. Этнографическое изучение Пермского Прикамья в начале XXI в.: экспедиционные, исследовательские и издательские проекты // Вестник Пермского научного центра. – 2015. – № 4. – С. 17–26.

Gillett A. Ethnogenesis: A Contested Model of Early Medieval Europe // History Compass. – 2006. – № 4/2. – P. 241–260.

Smuts J.C. Holism and Evolution. – NY: The Macmillan Company, 1926. – 362 p.

Tylor E.B. Primitive Culture. Vol. I–II. – L.: John Murray, 1871. – 453 p.

Сведения об авторе:

Головнев Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, профессор, доктор исторических наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-5716-655X, e-mail: Andrei_golovnev@bk.ru.

About the author:

Andrei Golovnev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Historical Sciences, Director of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamer) RAS, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-5716-655X, e-mail: Andrei_golovnev@bk.ru.

УДК 323.1

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-31-41

В.Ю. ЗОРИН¹, М.С. КАМЕНСКИХ^{2,3}, А.А. СУББОТИНА⁴**ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ:
ОПЫТ ПЕРМСКОГО КРАЯ**

¹*Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая,
Москва, Российская Федерация*

²*Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
Пермь, Российская Федерация*

³*Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Российская Федерация*

⁴*Администрация губернатора Пермского края, Пермь, Российская Федерация*

Статья посвящена анализу опыта и институционального потенциала институтов гражданского общества в обеспечении межнационального и межконфессионального согласия в России на примере Пермского края. Акцент в тексте сделан на конкретном опыте выстраивания взаимодействия органов власти с общественными организациями и экспертным сообществом.

Авторы приходят к выводу, что в современной России в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений ввиду значительного усложнения этнического состава населения и, как следствие, увеличения национально-культурных и религиозных организаций сложилась многоуровневая социальная инфраструктура. В этой ситуации институты гражданского общества приобретают все большее значение, становясь универсальной платформой для дискуссий и объединения потенциала всех акторов, задействованных в реализации государственной национальной и конфессиональной политики РФ. Опыт Пермского края показывает, насколько она может быть успешной.

Ключевые слова: институты гражданского общества, Стратегия государственной национальной политики, этноконфессиональные отношения, экспертное сообщество, некоммерческие организации, Пермский край.

V.YU. ZORIN¹, M.S. KAMENSKIKH^{2,3}, A.A. SUBBOTINA⁴**CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE IMPLEMENTATION OF STATE
NATIONAL POLICY: THE EXPERIENCE OF THE PERM REGION**

¹*Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

²*Institute of humanitarian studies – Branch of the Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation*

³*Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation*

⁴*Government of Perm Krai, Perm, Russian Federation*

This article is dedicated to the analysis of the experience and institutional potential of civil society institutions in ensuring interethnic and interfaith harmony in Russia according to the experience

© Зорин В.Ю., Каменских М.С., Субботина А.А., 2023

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Урал – этнокультурный перекресток», номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2

of the Perm region. The emphasis in the article is on the specific experience of building interaction between authorities, public organizations and the expert community.

The authors have concluded that in modern Russia, in the sphere of interethnic and interfaith relations, due to the significant complication of the ethnic composition of the population and as a consequence of the increase in national-cultural and religious organizations, a multi-level social infrastructure has developed. In this situation, civil society institutions are becoming increasingly important, becoming a universal platform for discussions and combining the potential of all actors involved into the implementation of the state national and religious policies of the Russian Federation. The Perm region's experience depicts how successful it can be.

Keywords: *civil society institutions, State national policy strategy, ethno-confessional relations, expert community, non-profit organizations, Perm region.*

Усиление интереса к этничности и возникновение организаций и движений, сформированных по этническому признаку – относительно новый феномен, характерный для общественных процессов Европы и России второй половины XIX в. [Шабаев, 2015, с. 126]. Стоит отметить, что этнические и этнокультурные сообщества, являясь частью общественного сектора, имеют свою специфику. В отличие от институтов гражданского общества, они нацеливают свою работу на защиту групповых интересов, а не интересов сообществ в целом. По выражению В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева, главная цель этнических организаций состоит в «манифестации культурной отличительности этнических групп, сохранении их культурных границ и культурной самобытности, а поэтому в программных документах и декларациях этнических организаций и их объединений нередко этничность прямо противопоставляется гражданству и общегражданским идеалам» [Тишков, Шабаев, 2019, с. 206].

Во всем мире существует большое количество этнических организаций, которые стремятся сохранять и пропагандировать культурное наследие разных культурных групп. Россия не является исключением. В Российской Федерации только сегодня действуют около 10 тысяч этнокультурных образований, в том числе 1210 национально-культурных автономий. Двадцать из них обладают статусом федеральных, 288 являются региональными, 902 – местными [Зорин, Каменских, 2021, с. 17]. Особую роль в выстраивании взаимодействия национально-культурных организаций на различных площадках играет Общественная палата РФ. Опыт Общественной палаты Российской Федерации как площадки для коммуникации представителей национально-культурных объединений Российской Федерации уникален. В этой ситуации возрастает актуальность создания координирующих ответственных органов и социальных структур, которые могли бы регулировать деятельность большого количества организаций.

За последние годы государство и гражданское общество проделали значительный путь в формировании и реализации действующей и эффективной модели государственной национальной политики. Одним из главных трендов последнего десятилетия стало «возвращение» государства в этнополитику

и достижение государственного суверенитета в межнациональных отношениях [Зорин, Каменских, 2020]. Конец 2000-х гг. знаменовал собой новый этап в развитии государственной национальной политики современной России, построенной на идее достижения цели – создания российской нации. Первые тезисы новой политики были озвучены еще президентом России Д.А. Медведевым на прошедшем 11 февраля 2011 г. в Уфе заседании Государственного совета РФ. Тогда были сформулированы основные приоритеты в работе. Более детально и расширенно проблемы и пути к их решению были озвучены в статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» [Путин, 2012]. На основании статьи был подготовлен и издан Указ Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия» [Указ Президента от 7 мая 2012 г.], который и лег в основу Стратегии государственной национальной политики России до 2025 г. [Указ Президента от 19 декабря 2012 г.]. Не менее важным стало принятие федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [Постановление Правительства от 20 августа 2013 г.].

За эти десятилетия была сформирована новая управленческая система и инфраструктура ее реализации, разработана Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 г., а также принят ряд важных управленческих документов, создано Федеральное агентство по делам национальностей и другие институты. Важным институциональным решением стало создание в 2015 г. Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) [Указ Президента от 31 марта 2015 г.]. В 2019 г. ведомство получило полномочия в отношении адаптации и интеграции мигрантов, а с 2020 г. ведет реестр национально-культурных организаций [Президент утвердил перечень поручений]. Отдельным пунктом высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации рекомендовано принять меры по повышению эффективности деятельности общественных советов по вопросам межнациональных и религиозных отношений, созданных при главах регионов и главах муниципальных образований [Президент утвердил перечень поручений].

Нельзя не отметить важную роль национально-культурных и религиозных организаций в жизни общества, поскольку они выполняют серьезную социальную функцию, способствующую сохранению российской государственности. Эта роль особо возрастает в сфере глобальных изменений, происходящих в России и в мире, отражающихся на общественной сфере России, в том числе в части межнациональных и межрелигиозных отношений и миграций. Конституция РФ, с учетом поправок 2020 г., является гарантом конструктивного развития межнациональных отношений в России, обеспечивая равенство прав и свободы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения (статья 19). В основном законе за-

креплено право каждого на создание общественных объединений, свобода деятельности которых гарантируется (статья 30). Особую важность имеют поправки, которые прямо предусматривают ту часть институтов гражданского общества в реализации целей и задач государственной национальной политики (статья 114).

Последовательно повышается и роль гражданского общества в разработке и реализации государственной национальной политики, была создана сеть совещательно-консультативных органов при главах субъектов Российской Федерации, такая же сеть выстраивается на муниципальном уровне [Конституция РФ, 2020].

В последние несколько лет в нескольких регионах России были созданы эффективные модели институционального взаимодействия общественных организаций, экспертного сообщества и органов власти. Одним из наиболее успешных примеров можно считать Пермский край. В ходе многовековой истории в Прикамье был сформирован один из интереснейших этнокультурных комплексов, не имеющий прямых аналогов в других регионах России. При этом межэтнические взаимоотношения в крае всегда носили мирный характер. С этой позиции Прикамье представляет собой регион, в котором накоплен значительный опыт межнациональных отношений и административного регулирования национальных вопросов. В 1993 г. был сформирован Координационный совет по национальным вопросам.

В рамках данной статьи будут рассмотрены наиболее важные вехи в формировании модели взаимодействия общества, экспертов и власти Пермского края в последние два десятилетия.

Демократизация общественной жизни в 1990-е гг. привела к внутренней самоорганизации многих этнических сообществ. Сразу после распада началось создание общественных национальных объединений. Эти процессы нашли свое отражение в Прикамье. Одной из первых в 1988 г. по инициативе коми-пермяцкой интеллигенции была создана Пермская региональная общественная организация «Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югэр»» («Луч»), в 1989 г. был образован Пермский еврейский культурный центр «Менора», состоялась учредительная конференция Татаро-башкирского центра Пермской области, затем появились пермское отделение Общества российских немцев «Видергебурт» (1992), корейское общество «Ариран» (1992), Пермский центр польской культуры (1994). Возникновение первых организаций, сформированных по этническому признаку, аккумулировало процесс становления общественных структур, представляющих и другие многочисленные народы Прикамья [Черных, Каменских, Белавин, 2014, с. 80–81].

С 1992 г. в Пермской области принята целевая программа развития и гармонизации национальных отношений. Это был один из первых докумен-

тов России, регулировавших национальную политику на областном уровне. Большую роль в разработке документа сыграл заместитель губернатора области В.С. Боев [Губогло, Дубова, Сергеева, 2001, с. 13].

Основными приоритетами той Программы стали:

- улучшение состояния социально-культурного и духовного развития народов, населяющих область;
- усиление внимания вопросам развития национальных культур отдельных этнических групп;
- преодоление практики некомплексности подхода к решению национальных проблем в регионе;
- координация работы государственных органов и общественных организаций в национальных вопросах.

Успешная реализация первой Программы, ее высокая оценка со стороны общественности обусловили принятие новых документов. Была вновь принята целевая комплексная программа «Поддержка развития национальных культур народов Прикамья на 1996–1998 гг.» [Народы Пермского края, 2014, с. 8–9]. Всего в период с 1994 по 2014 г. было принято пять целевых программ.

На рубеже 1990-х и 2000-х гг. произошли важные политические события как в России, так и в Прикамье. Именно в этот период пришла команда новых управленцев, начали крепнуть ценности новой российской государственности, страна постепенно выходила из кризиса, а государство «возвращалось» в сферу этнополитики. К началу 2000-х гг. в области уже был накоплен серьезный опыт в реализации государственной национальной политики. В 2001 г. в Пермской области был подписан указ о создании Координационного совета по национальным вопросам при администрации Пермской области [Указ Губернатора Пермской области от 27 февраля 2001], что повысило статус данного коллегиального органа и его значимость.

Начало 2000-х гг. сопровождалось также появлением новых общественных организаций. Представители ряда этнических сообществ, опираясь на опыт коллег, начавших работу в 1990-е гг., также создали свои общественные объединения. В 2001 г. в Прикамье создан «Украинский дом», в 2003 г. – «Общественный центр белорусов Пермской области» и «Русское национально-культурное общество». В местах компактного проживания чувашей в Куединском районе в 2002 г. прошла учредительная конференция чувашской национально-культурной автономии.

На это время пришелся период реализации третьей по счету комплексной Программы развития и гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Прикамья на 1999–2003 гг. [Решение ЗС Пермской области от 29 ноября 1999 г.]. Эффективность двух предыдущих программ и важность принятия данной подтверждает тот факт, что финансирование програм-

мы составило 45 млн рублей – больше в три раза, чем две предыдущие [Яшин, 2001, с. 2].

Помимо расширения круга мероприятий, в Программе была усилена роль в принятии решений общественных центров, подключены органы местного самоуправления в районах компактного проживания этнических групп. Одним из главных достижений третьей Программы стало проведение ежегодного межрегионального форума «Русский мир».

К концу 2000-х гг. у краевых властей сформировалось четкое представление о том, что некоторые этнические сообщества в силу своего происхождения имеют схожие этнокультурные потребности, что позволяет градуировать их для большей эффективности национальной политики. Эта идея была обсуждена на заседаниях Координационного совета по национальным вопросам и нашла поддержку в научной среде. Кроме того, усилившиеся миграционные процессы и увеличение масштабов трудовой миграции из стран СНГ привели к формированию новых общественных организаций, представлявших так называемые «новые этнические диаспоры». Работа по их адаптации и социализации была очень важна для поддержания межнационального согласия в регионе.

Эти изменения и легли в основу структуры двух последующих целевых программ: Программы развития и гармонизации национальных отношений на 2004–2008 и на 2009–2013 гг. [Народы Пермского края, 2014, с. 17–22].

Их новизна заключалась во внедрении модульного подхода, в рамках которого все народы Пермского края в силу своего происхождения и развития были условно ранжированы на несколько подгрупп:

- народы, для которых территория края является исконной и единственной территорией проживания (коми-пермяки и коми-язьвинцы), основная цель программных мероприятий в отношении которых – сохранение и развитие их этнической уникальности;

- народы, традиционно проживающие на данной территории (русские, украинцы, белорусы, татары, башкиры, удмурты, марийцы, украинцы, евреи, российские немцы и др.), целевая установка в их отношении – создание условий для самостоятельного развития;

- этнические диаспоры, формирующиеся в рамках современных миграционных процессов (армяне, азербайджанцы, грузины, узбеки, таджики, киргизы, осетины, чеченцы, дагестанцы, цыгане, китайцы, корейцы), основная задача в отношении новых диаспор – содействие их интеграции в местное региональное сообщество.

Каждый из данных разделов включал универсальный модуль, содержащий в себе примерно одинаковые методы работы, но с учетом специфики каждой группы народов: научно-исследовательская деятельность; образование;

культура; спорт; поддержка национально-культурных объединений; средства массовой информации; издательская деятельность.

Нельзя не упомянуть, что на период реализации программ пришлось принятие целого ряда упомянутых выше законов и нормативных актов на уровне страны, которые определили развитие сферы межнациональных отношений в ближайшее десятилетие.

Пятая Программа развития и гармонизации национальных отношений в Пермском крае тоже стала рубежной, поскольку ее реализация позволила вывести деятельность этнических общественных объединений Прикамья на качественно новый уровень. В годы реализации Программы не исчезло ни одной общественной организации, появилось свыше 10 новых, многие объединения отметили юбилеи. Существенным стал и тот факт, что Координационный совет по национальным вопросам с 2012 г. проводился на уровне губернатора. На волне наметившегося общественного подъема большое значение для коми-пермяцкого населения Прикамья и России имел I Съезд коми-пермяцкого народа, состоявшийся 21 марта 2012 г. в Кудымкаре.

Новые приоритеты государственной национальной политики оказали существенное влияние на ее реализацию в регионах. С 2014 г. действует шестая по счету программа, включенная в качестве подпрограммы «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае» государственной программы «Обеспечение взаимодействия власти и общества». Финансирование программы увеличено до 38 млн рублей.

Цели программы были приведены в соответствие с приоритетами и задачами Стратегии государственной национальной политики: укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), проживающего в Пермском крае; содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений; содействие этнокультурному многообразию народов России; объединение усилий всех звеньев системы власти, научных, образовательных, культурных учреждений, творческих коллективов, учреждений физической культуры и спорта, общественных национальных и других объединений для обеспечения стабильного позитивного развития.

Безусловно, ключевым событием 2014 г. для Прикамья стал всероссийский форум-диалог «Гражданское единение: региональный аспект», направленный на укрепление патриотизма и российской гражданской идентичности. Мероприятие подобного уровня проводилось в России впервые. Оно объединило руководителей и активистов всей сферы межнациональных отношений Российской Федерации.

С 2014 г. форум является ежегодным, и уже стал важной площадкой федерального значения. Ежегодно в его мероприятиях принимают участие

800–1000 экспертов с мировыми именами, представители органов власти, общественности, национальных объединений и религиозных организаций более чем из 50 регионов России. Соорганизаторами Форума являются Администрация президента РФ и Министерство регионального развития РФ.

Традиционно на форуме работают следующие площадки:

- съезд Ассамблеи народов России;
- конкурс лидеров некоммерческих организаций и общественных объединений, реализующих проекты в сфере миграции;
- семинар-практикум Всероссийской сети этномониторинга и раннего предупреждения конфликтов;
- круглые столы и панельные дискуссии [В Перми открылся].

Участники деловой программы Форума обсуждают перспективы реализации федерального закона по национальной политике, этнические, социокультурные, педагогические аспекты единения народов, место искусства в национальной политике и проблемы миграции. Особенностью Форума 2022 г. стало проведение Первого форума дружбы народов, в рамках которого состоялся конкурс «Отличник народной дипломатии». В финале приняли участие 30 человек из 16 стран мира [В Перми открылся].

Таким образом, сегодня в Пермском крае удалось достичь такого уровня отношений, когда каждая из общественных организаций чувствует себя частью общего процесса, выходит с собственными инициативами, участвует в обсуждении, несет часть ответственности за состояние сферы межнациональных отношений. Такая сплоченная команда помогает обеспечить устойчивое развитие сферы межнациональных отношений Пермского края на ближайшие десятилетия.

Начало нового десятилетия обусловило новые вызовы и задачи, а также риски в сфере межнациональных отношений. Определенные изменения произошли и в Пермском крае. Экспертная составляющая нацполитики была усилена рядом институциональных решений.

В 2022 г. в Пермском крае решением РАН открыт Институт гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН, объединивший в себе усилия отдельных пермских школ – этнологии и археологии, политологии и истории. Важной вехой в усилении экспертной составляющей политики региона стало решение о передаче в г. Пермь Всероссийской сети этномониторинга и раннего предупреждения конфликтов EAWARN – экспертного сообщества, включающего в себя более 40 регионов России. Кроме этого, в последние три года Пермский край является одним из четырех базовых субъектов, осуществляющих по государственному заданию фиксацию объектов нематериального этнокультурного достояния народов России. Результативность этой работы напрямую связана с эффективной деятельностью директора Института гуманитарных исследова-

ний ПФИЦ УрО РАН, член-корреспондента РАН, лауреата премии «Гордость нации» – Александра Васильевича Черных.

Говоря о работе институтов гражданского общества в целом, следует отметить, что приоритетной задачей для его членов является поиск эффективных путей консолидации российской гражданской нации, повышение качества экспертизы состояния межнациональных отношений в нашей стране, своевременное выявление существующих рисков и обсуждение возможных способов их урегулирования, а также развитие системы общественного контроля, которая объединяет активных и ответственных членов гражданского общества.

Очевидно, что институты гражданского общества должны развиваться, привлекая все спектры общественности в свою детальность в сфере межнациональных отношений. Подобная модель управления этнополитикой, в основе которой лежит взаимодействие и доверие между всеми ветвями и уровнями власти, институтами гражданского общества и экспертным обеспечением, позволит реализовать двуединую задачу – формирование российской нации и этнокультурное развитие всех народов, населяющих нашу многонациональную страну.

Созданный в Пермском крае усилиями некоммерческих организаций, органов власти и экспертного сообщества потенциал в реализации новых подходов и инструментов национальной политики является весьма функциональным. В связи с этим опыт Пермского края может быть учтен и применен как в отдельных субъектах РФ, так и в России.

Библиографический список

В Перми открылся VIII Всероссийский форум национального единства [Электронный ресурс] // Самарский дом дружбы народов. – URL: <https://www.samddn.ru/novosti/novosti/v-permi-otkrylsya-viii-vserossiyskiy-forum-natsionalnogo-edinstva/> (дата обращения: 25.10.2023).

Губоло М.Н., Дубова Н.А., Сергеева С.В. Панорама этнополитической жизни Пермской области во второй половине первого постсоветского десятилетия // Межэтнический мир Прикамья. Опыт этнополитической деятельности Администрации Пермской области. – Т. 3. – 128 с.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. Этнополитическая ситуация в России: современная позиция и основные мегатренды // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 1. – С. 52–68.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. Роль общественных палат в укреплении межнационального и межконфессионального согласия в современной России // Вестник российской нации. – 2021. – Спецвып. – С. 16–27.

Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие: словарь-справочник. – СПб.: Маматов, 2014. – 416 с.

Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 [Электронный ресурс]: Государственная Дума, Федеральное Собрание Российской Федерации. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48953> (дата обращения: 20.12.2022).

О координационном совете по национальным вопросам администрации Пермской области: Указ Губернатора Пермской области от 27 февраля 2001 г. № 50 [Электронный ресурс] // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/16113534/> (дата обращения: 25.10.2023).

О краевой целевой программе развития и гармонизации национальных отношений: Закон Пермского края № 378 ПК от 13.01.2009 г. // Собрание законодательства Пермского края. – 2009. – 25 февраля. – N 2, II часть.

О стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.: Указ президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс] // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 25.10.2023).

О федеральной целевой Программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020): Постановление правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 [Электронный ресурс]: Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

О Федеральном агентстве по делам национальностей: Указ Президента РФ от 31.03.2015 № 168 (ред. от 15.05.2018) [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177296/ (дата обращения: 10.01.2023).

Об обеспечении межнационального согласия: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 г. // Российская газета. – Столичный выпуск. – 2012. – 9 мая.

Президент утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшегося 29 ноября 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62618?fbclid=IwAR2cdyhpApXJBL7qg4DMYu_t9wxc0LRjGThKYUtlzEh4YUoHVpfJLYYByKc (дата обращения: 22.01.2023).

Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 янв.

Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности: учебник для вузов. – М.: Издательство Московского университета, 2019. – 416 с.

Черных А.В., Каменских М.С., Белавин А.М. Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие: словарь-справочник. – СПб.: Маматов, 2014. – С. 39–82.

Шабает Ю.П. Всеславянские съезды // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополитический справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2015. – 692 с.

Яшин Н.А. Национальная политики в Прикамье: приоритеты и перспективы // Жизнь национальностей. – 2001. – № 4. – С. 2.

Сведения об авторах:

Зорин В.Ю., доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: v.y.zorin@mail.ru.

Каменских М.С., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, г. Пермь; доцент ФГАОУ «Пермский национальный исследовательский политехнический университет» (ПНИПУ), г. Пермь, Российская Федерация.

Субботина А.А., директор департамента межнациональных и религиозных отношений Администрации губернатора Пермского края, г. Пермь, Российская Федерация.

About the authors:

Vladimir Yu. Zorin, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: v.y.zorin@mail.ru.

Michael S. Kamenskikh, Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation.

Anastasia A. Subbotina, Government of Perm Krai, Perm, Russian Federation.

УДК 398

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-42-53

В.Л. КЛЯУС**«ЭКСПЕДИЦИЯ НАЗЫВАЕТСЯ!» – ИСПОЛНИТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА VS
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ: ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА***Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Российская Федерация*

В статье обозначены некоторые проблемы полевой работы – причины отказов интервью с собирателями фольклора. Среди основных причин автор выделяет отсутствие свободного времени у исполнителя; особый обрядовый статус исполнителя; принятие собирателя не за того, кем он является; принадлежность исполнителя и собирателя к различным этническим, конфессиональным, возрастным и гендерным группам; психологическое и физическое состояние носителя; особое отношение исполнителя к своему репертуару; отказ записи на современные технические средства. Приводятся примеры конфликтных (и не только) ситуаций, возникающих при проведении интервью. Поднимается вопрос авторских прав по отношению к устной словесности.

Ключевые слова: фольклорная экспедиция, исполнитель фольклора, собиратель фольклора.

V.L. KLYAUS**«THE EXPEDITION IS CALLED!» – FOLKLORE PERFORMER VS
RESEARCHER: FROM A FIELD DIARY***A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science,
Moscow, Russian Federation*

The article identifies some problems of fieldwork – the reasons for refusing interviews with folklore collectors. Among the main reasons, the author highlights the lack of free time for the performer; the special ceremonial status of the performer; the acceptance of the collector not for who he is; the belonging of the performer and the collector to various ethnic, confessional, age and gender groups; the psychological and physical condition of the carrier; the special attitude of the performer to his repertoire; the refusal to record on modern technical means. Conflict (and not only) situations arising during the interview are given. The question of copyright in relation to oral literature is raised.

Keywords: folklore expedition, folklore performer, folklore collector

Культурно-историческая ситуация в России, существование многообразных региональных этнических традиций уже в XVIII в. способствовали процессу собирания памятников устного народного творчества, активность которого возросла к середине прошлого столетия и продолжает оставаться интенсивной

и в наши дни. В итоге мы имеем великолепные собрания коллекций и записей Кирши Данилова, П.В. Киреевского, П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, Б.М. и Ю.М. Соколовых, многочисленные сборники, составленные собирателями и исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и других научных центров страны. Некоторые из них активизировали работу по собиранию и публикации фольклора в последние годы, в частности в Перми, благодаря усилиям и под руководством А.В. Черных.

Вместе с тем процесс собирания фольклора не всегда состоит только из встреч с замечательными исполнителями, готовыми охотно поделиться с фольклористами своими знаниями и репертуаром. Интересная, а порой даже захватывающая полевая работа часто сопрягается с целым рядом трудностей взаимоотношений с исполнителями и их средой. Каждый из полевиков в той или иной степени сталкивался с данными проблемами.

В название настоящих заметок вынесена ключевая фраза не очень приличного анекдота, отражающего по сути конфликтное взаимоотношение приехавших исследователей и местного сообщества. В самом анекдоте подразумевается, скорее всего, экспедиция «естественнонаучная», но и представители гуманитарного знания – этнологи, антропологи, фольклористы и прочие – нередко оказываются в довольно сложных ситуациях при взаимодействии с людьми, этническими и социокультурными группами, с которыми они работают, которых «изучают».

Экспедиционные исследования можно назвать «научными путешествиями», так как от других видов путешествий они отличаются, прежде всего, целевой установкой на получение или, можно даже сказать, добывание новой информации (в случае с фольклористами – аудио- и видеофиксации исполнения произведений устной словесности). Этим определяется активность исследователя-путешественника по отношению к объекту его интересов, что, в свою очередь, порождает реакцию объекта (если говорить о фольклористике – «исполнительской среды») на работу и запросы исследователя. К сожалению, реакция не всегда имеет положительный вектор, редко, но она может вырастать и до конфликта, что, в конечном счете, сказывается на объеме и качестве собранного материала.

Любой приезд в какое-либо поселение, будь оно небольшое или крупное, прежде всего, начинается с выяснения того, кто является хорошим исполнителем, знатоком песен, сказок или других фольклорных жанров. Такой информацией в определенной степени владеют сотрудники домов культуры, которые по роду своей деятельности обязаны, если не «собирать фольклор», то организовывать досуг людям старшего поколения, а в этой деятельности традиционная культура является одним из инструментов работы.

Помощь руководства и сотрудников домов культуры значительно облегчает общение с исполнителями, но в некоторых случаях имеет обратный эффект. Иногда их чрезмерная помощь, гиперактивность вредит собирательской работе. Не раз приходилось сталкиваться, когда обремененный должностью человек на селе, не ведая того, мешал интервьюированию или процессу исполнения фольклора. Бывает, что простыми людьми, особенно пожилыми, они воспринимаются как представители административных органов, и если у человека есть с ними какие-то сложности, то негативное отношение переносится и на всех, с кем они просят пообщаться. Нельзя забывать и то, что работники культуры тоже люди, и у них есть свои симпатии и антипатии, поэтому случается, что они намеренно не сообщают о каком-либо исполнителе.

В поисках контактов можно обходиться и без «административного ресурса». При этом, конечно, нужно понимать, что уверение в том, что такой-то, к примеру, прекрасно поет песни, совсем не гарантирует успеха. При разговоре с порекомендованным исполнителем может выясниться совершенно противоположное – он, якобы, ничего не знает, «а вот другие... (здесь обычно называются имена и фамилии соседей, знакомых и т.д.) ... вот те – да, и поют и пляшут, и все, что хочешь». Так, порой ненавязчиво, могут дать понять собирателю, что с ним не хотят общаться.

Иногда вроде бы и нет явных причин для отказа, и о них узнается позже. Но бывает, что человек прямо говорит, почему он не хочет или не может согласиться на встречу и интервью, почему не желает допустить исследователя фиксировать обрядовое действо. Обобщая свой экспедиционный опыт, я бы выделил следующие причины.

1. Отказ по причине отсутствия свободного времени.

Исполнители могут быть заняты детьми, уходом за родственниками, какими-то делами, связанными с домом и хозяйством – огородом, строительством, уходом за скотиной, уборкой и т.д. Перечисленные здесь заботы ситуативны, и их нельзя предсказать, более того, их можно использовать для контакта, предложив возможным респондентам свою помощь. А вот сезонные занятия населения обязательно необходимо учитывать при планировании полевых исследований – сенокос, охота, путина, сбор кедровых орехов, ягод и грибов, в тех регионах, где они имеют важную экономическую составляющую жизни. Нужно понимать, что кого-то из потенциальных исполнителей можно не застать дома.

2. Отказ по причине нахождения исполнителя в определенном обрядовом статусе.

В старообрядческих общинах пожилые люди, которые чаще всего и являются носителями и знатоками фольклорных традиций, достигнув определенного возраста, могут находиться в статусе, запрещающем им исполнение

фольклорных произведений светского характера. Респонденты отказываются петь лирические песни и при строгом соблюдении поста, а также в период траура по умершим родственникам.

3. Отказ по причине того, что исследователя принимают за иного человека, а не за того, кем он является и представляется.

При первом знакомстве собиратель, как правило, рассказывает о себе, объясняет причины своего интереса к фольклору и народной культуре. Бывает, что исполнители, их родственники, соседи, представители администрации не верят ему и принимают за человека, который на самом деле преследует совсем иные цели. Реакция в таких случаях может быть очень жесткой. Классический пример данного конфликта – это аресты П.И. Якушкина во время его хождений в народ за песнями.

Нечто подобное происходило и со мной. Так, в экспедиции в Богучанский район Красноярского края в 1986 г. я добрался до небольшой деревушки, находящейся на одном из правых притоков Ангары. Буквально через несколько минут после приезда я был остановлен милиционером, который потребовал от меня документы. Предъявив их, я попытался подробно объяснить ему причину своего приезда. До ареста не дошло, но сомнения у милиционера так и не были рассеяны, и мне было дано всего лишь два часа на то, чтобы покинуть поселок. Уже потом от жителей других деревень я узнал, что там находятся на поселении уже отсидевшие в тюрьмах «китайские шпионы». Милиционер, проявив бдительность, постарался выдворить меня из поселка.

В приграничных районах могут возникать сложности с пограничниками. В России требуется специальное разрешение для нахождения в пятикилометровой зоне от границы. Если его нет, то возможен арест с последующей выплатой штрафа. Такое со мной и моими студентами произошло в 2012 г. при посещении г. Железнодорожный Калининградской области, расположенного в двух километрах от российско-польской границы. Не менее запоминающейся была ситуация в 2014 г. в п. Бура Забайкальского края, находящегося на берегу приграничной с Китаем реки Аргунь. Приехав в поселок, выйдя на улицу, я тут же оказался в окружении пограничников. Но разрешение было, и меня отпустили. Близость границы породила особую подозрительность, именно поэтому не все жители поселка хотели со мной общаться и допытывались о том, кто я такой и что здесь делаю?

До недавнего времени, работая в сибирских и забайкальских деревнях и селах, мне также неоднократно приходилось слышать вопрос от исполнителей: а не заберут ли их в «места не столь отдаленные» после того, что они рассказали и спели? Чаще всего его задавали в шутливой форме, но за ним скрывался настоящий страх, связанный с некоторыми событиями в истории страны.

Сегодняшние реалии принесли еще одно опасение: разгул мошенничества, жертвами которого становятся обычно пожилые люди, заставляют потенциальных исполнителей быть очень осторожными в общении с незнакомцами.

4. Отказ по причине принадлежности исполнителя и собирателя к различным этническим группам.

В своей работе мне довелось быть свидетелем весьма показательного в этом отношении случая. В 1986 г. я был одним из руководителей фольклорной практики студентов Бурятского педагогического института (в настоящее время Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова). Согласно программе, она была организована для студентов-филологов I курса отделения русского языка и литературы, но вместе с ними на практику были отправлены и студенты отделения бурятской филологии.

Месяц мы проработали в Северобайкальском районе Бурятии, в его небольших деревнях и поселках проживают в основном русские. Отряд был многочисленным, база находилась в Нижнеангарске, и в одно из сел я выехал с двенадцатью студентами, разделенными на три группы. В двух были студентки русского отделения (и русские, и бурятские девушки), в одной – бурятского отделения (только девушки-бурятки). Уже первые дни работы в селе принесли неплохие результаты: студентки записали песни, частушки, мифологические рассказы. Но все это было собрано группами, в состав которых входили русские. Третья, полностью состоявшая из девушек-буряток, на протяжении нескольких дней не собрала ни одного текста. Как оказалось, жители села отказывались общаться с ними и говорили, что петь русских песен или что-то рассказывать им они не будут. Конфликт имел печальные последствия. Не найдя ничего лучше, девушки решили залить свое горе алкоголем, поэтому мне пришлось отправить их в базовый лагерь раньше времени.

Вопрос: а зачем вам, русским, наш фольклор? – услышал однажды и я, в 1994 г. в Каларском районе Читинской области. Задал его мне молодой эвенк в возрасте около 30 лет, внук одного из лучших знатоков эвенкийских традиций северного Забайкалья. Внук был изрядно выпивший и повел себя агрессивно. «Разрулил» ситуацию его дед, о чем еще будет сказано ниже.

5. Отказ по причине принадлежности исполнителя и собирателя к различным возрастным или гендерным группам. С этим можно столкнуться при записи эротического фольклора, так как нередко исполнители-мужчины не рассказывают неприличные сказки и истории в присутствии девушек и молодых женщин, а женщины, знающие частушки «с картинками», стесняются петь их для мужчины-собирателя.

6. Отказ по причине принадлежности исполнителя и собирателя к различным конфессиональным группам, когда это является для исполнителя важным фактором общения.

Так, в 2003 г. во время полевых исследований на Ветке (Гомельская область Белоруссии) в одной из деревень меня пустили в дом, но прежде чем начать разговор, хозяин, пожилой мужчина, потребовал у своей жены быстро пожарить яйца на свином сале. Когда все было готово, он налил самогону, внимательно наблюдая за мной. После того, как я выпил и закусил яичницей, он облегченно вздохнул: «Свой!» Оказывается, в деревню повадились представители какой-то христианской церкви, агитируя перейти к ним – они не пили спиртного и не ели свинину. После успешно пройденной «проверки» состоялся разговор.

Но вот в другом случае при почти идентичной ситуации – с приглашением к столу – все закончилось совершенно иначе. Произошло это в 1998 г. в Литве, в небольшом городке недалеко от Вильнюса, где находится одна из старейших в стране общин старообрядцев поморского согласия.

После прошедшей службы в молельном доме я подошел к пожилому мужчине, напоминавшего деда Щукаря из Шолоховской «Поднятой целины», и попытался завязать знакомство. Внешне он довольно спокойно отнесся к тому, что я пошел провожать его до дома. Когда дошли, пригласил меня войти, но на все мои «профессиональные» вопросы, которые я стал задавать, так как посчитал, что контакт уже налажен, уклончиво отвечал: «Потом». Хозяин разогрел суп, пригласил пообедать. В это время в дом вошла его супруга и явно выразила недовольство относительно моего появления. Она тем не менее разогрела и поставила на стол еще и сосиски.

Я уже радовался, что сейчас у меня получится хорошее интервью. Но как только мы закончили обедать, хозяин вдруг спросил, глядя мне в глаза: «Поел?» Я ответил: «Да». «А теперь – иди!» – сказал он мне. Произнесено это было таким тоном, что стало понятно – разговора не будет. Конечно, я расстроился, но ведь по сути он выполнил одну из христианских заповедей блаженств («Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут») – накормил незнакомого путника. Но общаться со мной, чужим для него человеком «деду Щукарю» совсем не хотелось.

7. Отказ по причине психологического состояния исполнителя.

В 1986 г. в том же селе в Северобайкальском районе, где произошел «собирательский конфликт» на этнической почве, я сам столкнулся с трудностями в работе с одной из исполнительниц, но уже по иной причине, а именно – ее тяжелого психологического состояния.

В сибирских селах широко распространена вера в колдунов и порчу. В принципе, в любой деревне вам могут назвать одного-двух «знающих». Обычно это добрые, приветливые люди, в некоторых случаях действительно владеющие неплохим заговорно-заклинательным репертуаром.

О том, что одна из женщин села знает что-то такое особенное, чуть ли не владеет черной магией, мне рассказали студенты. Сами они узнали об этом от ее соседей, но женщина не стала с ними разговаривать. Упустить возможность записать заговоры я не хотел и отправился на встречу сам. Она, видимо, увидела меня, заходящего во двор, и вышла на крыльцо, всем видом давая понять, что не хочет общаться. Но тут пошел сильный дождь, и женщина пригласила меня зайти в дом.

Здесь я, тогда еще совсем молодой исследователь, впервые увидел реальное использование острых предметов (ножниц и иголок) в качестве оберегов. Они были повсюду – на окнах, возле двери – и должны были «не допустить» в дом злых людей и нечистую силу. Разговор с респонденткой, по моему ощущению, прошел хорошо, удалось записать несколько быличек и провести сеанс заговаривания бородавки (кстати, она действительно через неделю-две исчезла). Я договорился о новой встрече, но на следующий день женщина не пустила меня даже во двор, угрожая топором.

Как потом выяснилось, женщина была психически не очень здорова, что связано, видимо, с личными обстоятельствами ее жизни, приведшими к ее полной изоляции от односельчан.

8. Отказ по причине состояния физического здоровья самого исполнителя или его родственников, с которым он проживает.

Большинство носителей фольклорной традиции люди пожилые, и проблемы со здоровьем, к сожалению, в их возрасте бывают всегда. И поэтому не каждый соглашается принять у себя дома постороннего человека, при всей своей готовности поделиться своим репертуаром.

Один из последних таких случаев произошел со мной летом 2023 г. В г. Улан-Удэ я встретился с замечательной пожилой женщиной, которая недавно переехала на постоянное место жительства в Россию из Монголии. Наша группа побывала до этого на ее малой родине, собирая материалы по фольклору, традициям и языку местнорусских – диаспорной группы русских, проживающих в этой стране с 1920-х гг. (выходцы из приграничных районов Забайкалья). К сожалению, мы не смогли записать ни одной песни – этот жанр у местнорусских совсем исчез из бытования.

И вот во время интервью наша новая знакомая вспомнила о своей подруге, которая еще в 1990-е гг. выехала из Монголии и переехала жить на Ставрополье. Она тут же позвонила ей, и та женщина вместе со своей дочерью сразу по телефону спела три замечательные песни, относящиеся к забайкальской песенной традиции. Понятно, что нужно ехать к ней и писать на качественную технику, а не в формате «телефонного» исполнения. Возвратившись в Москву, я стал договариваться о приезде, но получил, к сожалению, отказ.

Оказывается, исполнительница уже несколько лет как прикована к постели и совсем не готова принимать гостей.

9. Отказ по причине особого отношения к своему «репертуару».

Песнями, сказками, различными необычными «историями» из своей жизни, а также из жизни родных и знакомых респонденты, как правило, делятся с собирателями довольно охотно. Иначе обстоит дело с заговорно-заклинательными текстами, обладающими определенной сакральностью. Рассказывать, сообщать их постороннему человеку практикующие знахарки будут не всегда. В народной традиции существуют на этот счет различные правила: возраст «учителя» и «ученика» – первый должен быть старше второго; «передача» только родственникам; количество возможных «передач» – не более трех или семи; физическое здоровье – наличие всех зубов у того, кто «принимает», и др. Если «знающий» человек придерживается какого-либо из этих правил, а собиратель ему не соответствует, то «передача» заговоров, а именно так пожилые люди могут воспринимать ситуацию фиксации текстов, не состоится.

Некоторые из современных исполнителей могут отказать собирателю из соображений, что он в дальнейшем воспользуется записанными от них фольклорными текстами в своих «корыстных» целях – к примеру, защитит диссертацию, напишет книгу и прочее, а за это будет получать где-то у себя на работе бóльшую зарплату, продвинется по карьерной лестнице и т.д. Фольклорный репертуар все чаще начинают оценивать как материальный актив. У меня был случай, когда исполнительница песен решила приберечь этот «актив» для своей молодой родственницы, которая в тот год поступила учиться в училище культуры.

Монетизация фольклорного репертуара, когда за запись текстов респондент от собирателя требует деньги, давно уже произошла в ряде зарубежных стран. К примеру, я с этим столкнулся в Австралии во время полевых исследований среди аборигенов на полуострове Кейп-Йорк. Не знаю, существуют ли какие-то официальные или полуофициальные расценки, но при попытке договориться с одним пожилым аборигеном об интервью относительно тотемного места его клана, он запросил 100 австралийских долларов за 30 минут разговора. В России подобные ситуации пока еще крайне редки.

10. Отказ в записи исполнения на современные технические средства.

Исследовательская группа, оснащенная современной видео- и звукозаписывающей техникой, может создавать особое напряжение в исполнительской среде. Видеокамера в руках человека «из города» раньше всегда порождала слухи, что в село приехало телевидение.

Впервые с видеокамерой я оказался в студенческой экспедиции в 1993 г. в одном из семейских сел Красночикийского района Читинской области (в настоящее время – Забайкальский край). Это была большая бытовая VHS-камера,

которая носилась на плече. Мне пришлось специально объяснять местному начальству, что мы снимаем только народные традиции и ничего более. А оно высказало вполне конкретное пожелание – обыденную жизнь не снимать. Администрация, видимо, опасалась, что видеозапись может вскрыть какие-то их просчеты в работе.

Напряжение в исполнительской среде относительно видеосъемок вылилось в небольшой эксцесс. В селе собирались играть свадьбу, и мы договорились с родителями жениха и невесты, что будем делать ее видеозапись, рассчитывая зафиксировать какие-то элементы традиционной свадебной обрядности семейских.

В ночь перед днем свадьбы в дверь дома, где жила наша группа, постучали. Я уже был привычен к таким визитам и вышел на улицу. Обычно в гости заходили подвыпившие (видимо, для храбрости) молодые люди, с которыми приходилось вести долгие разговоры на крыльце, что называется «за жизнь». Но в тот раз передо мной стоял незнакомый мужчина лет пятидесяти. Он сходу предложил мне с ним выпить, а после моего отказа спросил: «Это Вы здесь ходите и снимаете?» Я сказал, что да. «И завтра на свадьбе будете?» Я подтвердил. А в ответ услышал, что, дескать, завтра у него я буду весь день на мушке ружья, что он охотник, а потому, хотя и будет сидеть на горке, не промахнется. С этими словами мужчина ушел в ночь. Как было воспринять такую угрозу? Как шутку? Честно говоря, тогда мне было не до шуток, но нужно было снимать. Утром я вымылся, надел чистую рубашку и пошел работать. Все прошло благополучно.

Разрешение на видеосъемку свадьбы в тот раз, видимо, было получено потому, что нас в селе уже знали, мы, что называется, примелькались. А вот в 1997 г., проезжая другое село того же района и увидав в одном из домов явные приготовления к свадьбе, я попытался договориться с родными невесты о видеосъемке, но безрезультатно.

Конфликтная ситуация из-за видеозаписи возникла во время похорон, свидетелем которых я оказался в одном из русских сел на севере Удмуртии. Здесь проживает небольшая группа старообрядцев-филипповцев. По приезде мы познакомились с женщиной-наставницей. Узнав, что я читаю и понимаю церковно-славянские тексты, она сначала устроила мне проверку, а потом, когда я ее выдержал, пригласила читать отрывок из «Евангелия от Иоанна» на похоронах пожилой женщины. Я, конечно, согласился, а одновременно с чтением еще делал и видеосъемку (камера была небольшой). Когда молебен закончился, вынос тела задержали, так как стали ждать сына умершей. Приехав и узнав про съемку, он устроил мне скандал, потребовав «засветить пленку». Понятно, что все остальные этапы обряда остались за кадром.

Сегодня видеотехникой никого не удивишь. Социальные сети – «ВКонтакте», «Одноклассники» и прочие, видеохостинги – Rutube и другие, заполнены видеоконтентом, который снимается в основном на смартфоны. Подобная бесконтрольная публичность кому-то нравится, а кого-то, наоборот, раздражает. Но, как и раньше, отказ в видеосъемке объясняется нежеланием, боязнью людей оказаться на всеобщем обозрении, но уже не на экране телевизора, а в интернет-пространстве.

Здесь я перечислил 10 причин отказов контактировать с исследователем, это основные, но, видимо, не все. Уверен, что опытные полевики добавят к ним и другие. Понятно, что нежелание респондентов общаться, исполнять песню или какое-то другое фольклорное произведение – это не конфликт в точном понимании данного слова, но в условиях полевой работы, суть которой состоит именно в получении нового материала, для исследователя отказы порой настоящая трагедия. По молодости я даже обижался на несостоявшихся для меня исполнителей, и лишь с опытом к таким ситуациям стал относиться спокойнее, понимая, что эти люди мне ничем не обязаны и что «весь фольклор не соберешь».

А бывает и исполнители во время интервью скажут собирателю такое, что хоть прекращай разговор и уходи. Здесь приходится сдерживать себя, как бы не замечая услышанного. Подобное произошло со мной во время совместной экспедиции с А.В. Черных и его коллегами в 2008 г. в деревню коми-пермяков на северо-востоке Пермского края. Мы собрались в клубе на встречу с песенным коллективом, и одна из исполнительниц неожиданно сделала такой неприличный комментарий по поводу моей фамилии во время знакомства, что присутствующие буквально расхохотались, мне же было совсем не по себе. В обычной жизни ты прекращаешь общаться с человеком, который произнес что-либо подобное, но полевые исследования задают особую рамку отношений, и работа была продолжена, как будто ничего не произошло – посмеялись, и ладно.

У читателя этих заметок, наверное, возник вопрос: а случались ли действительно конфликтные ситуации во время экспедиций, такие, когда возникала угроза здоровью и жизни собирателю?

Один случай можно отнести к заурядным: в 1993 г. в Красночикойском районе Читинской области (я уже упоминал эту экспедицию) мне пришлось подраться с «ухажером» студентки, который добивался ее: приходя по ночам выпившим, он стучал в дверь и кричал: «Отдай мне Вику!».

На той практике Читинского государственного педагогического института им. Н.Г. Чернышевского (в настоящее время Забайкальский государственный университет), буквально первой выездной после долгого перерыва, в составе экспедиционной группы под моим руководством было три девушки-

студентки и только что окончивший институт молодой человек, который впоследствии стал преподавателем. Надо сказать, что в селе уже тогда сложилась сложная демографическая ситуация: было большое количество парней-женихов и малый выбор невест. По логике местных парней одна из троих должна была быть «свободна», на эту роль была «назначена» Виктория. Возвращаясь как-то под вечер после очередного интервью, я встретил на улице группу парней во главе с «ухажером»... Было все по-честному, один на один – въехали по морде друг другу по одному разу, на этом все и закончилось.

Более печально могла завершиться встреча с эвенками в Каларском районе в 1994 г. (я также уже упоминал эту экспедицию). Пожилого эвенка, к которому мне посоветовали поехать, характеризовали как совсем непьющего. Во время нашего разговора в дом вошел его уже нетрезвый внук, он вытащил бутылку водки и поставил три стакана. Мы все трое выпили, я лишь пригубил и продолжил задавать вопросы. И через некоторое время, уже после своего вопроса: «А зачем вам, русским, наш фольклор?», внук вскочил, вытащил нож и воткнул его в стол, за которым мы сидели. Реакция деда была молниеносной: он встал между мной и внуком и только сказал: «Беги!» Пришлось уйти, прервав интереснейшую беседу.

Отказ общаться, конфликтные ситуации, на мой взгляд, являются защитной реакцией исполнительской среды, в которую вторгается исследователь. В принципе, она естественна и, как это ни странно звучит, «поддерживает» аутентичное бытование традиционной обрядности и фольклора, многие жанры которого существуют в настоящее время, к сожалению, уже только в латентной форме.

Развитие, трансформации, разрушение и исчезновение со временем целых пластов фольклорной культуры – вполне закономерный процесс. Нужно признать, что собиратели фиксируют лишь отдельные тексты, но это уже позволяет выстраивать ее эволюцию. И если бы не было исследователей-полевиков, то фольклорные произведения так и остались бы известны лишь в семейном кругу, в среде какой-либо территориальной, этнической или профессиональной группы. Именно собирательская работа сделала их достоянием общества в целом.

В настоящее время дискутируется вопрос «авторских прав» по отношению к устной словесности. Самое простое его решение – это перенесение на фольклор правовых норм, выработанных по отношению к литературному, письменному тексту. Но оно принципиально неверно, так как исключает роль собирателя, без которого в устной форме бытующий текст никогда бы не был записан и не получил бы известность и всеобщего признания. В настоящее время, когда традиционный фольклор существует в значительной степени в латентной форме, именно интерес, активность, вопросы исследователя фактиче-

ски воскрешают фольклорные произведения в памяти респондентов, имеющих обычно преклонный возраст.

Исполнение фольклора справедливо сравнивают с театром, и собиратель, который тратит свои душевные и интеллектуальные силы, время, здоровье, а порой и личные финансовые ресурсы, он – вроде режиссера, задающего рамки и сценарный план фольклорного действия, что делает его по сути соавтором исполнителя. В этой конструкции ситуации отказов доказывают именно значимость собирательской работы. Именно исследователь делает первый шаг в долгой и сложной дороге сохранения фольклорной традиции для будущего.

Сведения об авторе:

Кляус Владимир Леонидович, доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, главный редактор научного альманаха «Традиционная культура», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: v.klyaus@mail.ru.

About the author:

Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, Head of the Folklore Department of the Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS, editor-in-chief of the scientific almanac "Traditional Culture", Moscow, Russian Federation, e-mail: v.klyaus@mail.ru.

УДК 39

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-54-59

А.В. ВОСТРОКНУТОВ^{1,2}**ТРАДИЦИИ ПЛЕТЕНИЯ ИЗ СОСНОВОЙ ЩЕПЫ (ДРАНКИ)
В КРАСНОГОРСКОМ РАЙОНЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ 2023 Г.**¹*Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Российская Федерация*²*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

Описывается процесс создания корзины из сосновой щепки (дранки). Настоящий процесс был зафиксирован в результате экспедиции по сбору нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации. Экспедиция проходила в Республике Удмуртия летом 2023 г. Процесс плетения корзины зафиксирован в с. Красногорское одноименного района. Данный промысел имеет большой потенциал дальнейшего развития. Традиция плетения корзин из сосновой щепы имеет давние корни и была распространена на обширной территории Российской империи, а Вятская губерния, в состав которой территориально входила современная Республика Удмуртия, занимала лидирующее положение по древесным кустарным промыслам среди других губерний.

Ключевые слова: корзина, щепка, промысел, нематериальное этнокультурное достояние, экспедиция, промысел.

A.V. VOSTROKNUTOV^{1,2}**TRADITIONS OF WEAVING FROM PINE SPLINTERS
IN THE KRASNOGORSK DISTRICT OF THE UDMURT REPUBLIC:
BY THE FIELD MATERIALS 2023**¹*Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation*²*Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russian Federation*

This article describes the process of creating a basket of pine splinters. This process was fixed as a result of an expedition to research the immaterial ethno-cultural heritage of the Russian Federation. The expedition took place in the Republic of Udmurtia in the summer of 2023. The process of basket weaving was fixed in the village of Krasnogorskoe. This handicraft has great potential for further devel-

© Вострокнутов А.В., 2023

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков) в рамках проекта «Нематериальное этнокультурное достояние народов Российской Федерации как ресурс сохранения многообразия и формирования российской идентичности».

opment. The tradition of weaving baskets from pine splinters has long roots and was spread over the vast territory of the Russian Empire, and the Vyatka province, which geographically included the modern Republic of Udmurtia, occupied a leading position in wood handicrafts among other provinces.

Keywords: basket, splinter, handicraft, immaterial ethno-cultural heritage, expedition.

География деятельности Александра Васильевича Черных не ограничивается только Пермским краем. В последние годы экспедиции под его руководством проводят исследования по выявлению и фиксации объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации.

Территории, где проводятся эти экспедиции, представлены весьма широко – от Мурманской области на севере до степей Оренбуржья на юге, от Калининграда на западе до Читы на востоке.

В ходе данных исследований проводится фото-, видео- и аудиофиксация объектов нематериального этнокультурного достояния (НЭД) по совершенно разным темам: традиционной кухне, одежде, обрядам, а также традиционным технологиям и промыслам.

Об одном из них, фиксация которого происходила летом 2023 г., и пойдет речь в настоящей статье. Этот промысел – плетение корзин из сосновой щепы (дранки) в Красногорском районе Республики Удмуртия.

Данный вид деятельности относится к лесным промыслам. Как отмечает М.В. Карташова, лесные кустарные промыслы на территории Вятской губернии (именно к ней относилась территория Удмуртской Республики) по числу занятых в них жителей занимают лидирующее положение среди других губерний Российской империи по данным переписи 1897 г. [Карташова, 2018, с. 71].

Таким образом, зафиксированный нами объект НЭД имеет давние традиции на изучаемой территории.

Отметим, что данный промысел был распространен довольно широко: корзины из дранки плели в различных губерниях: Владимирской [Королькова], в Олонецкой (Карелии) [Гвоздева], Симбирской [Анисимова, 2004, с. 15], а также в Сибири [Короб из щепы]. Корзины разного размера обнаруживаются нами во время экспедиции в Мурманскую и Кировскую области. Учитывая доступность сырья, не возникает сомнения в широте географической и этнической распространенности данного промысла.

Плетением корзиночек из сосновой щепы жители с. Красногорское занимаются долгое время. По сообщению нашего информанта, А.А. Варфоломеева, ранее в каждом доме изготавливались данные изделия для собственных нужд. На сегодняшний день из всех красногорцев только А.А. Варфоломеев владеет данным промыслом. Далее мы обратимся непосредственно к описанию процесса изготовления корзины из сосновой дранки, начиная от выбора сырья до готовой продукции.

Выбор и заготовка сырья

Как пояснил наш информант, изготовление корзины начинается с выбора дерева под заготовку. Это должна быть сосна с ровным стволом и тонкими годовыми кольцами без сучков. Состояние сырья оценивается внешним осмотром, а в ряде случаев выдалбливанием специального «окошка» – ровного углубления, по которому оценивается состояние годовых колец. В последнем случае оценка дерева происходит в конце августа-сентябре. Если сырье удовлетворяет требованиям мастера, то его оставляют до зимы.

С началом морозов, до глубокого снега, дерево срубается, нижняя его часть отделяется. В работу берется оставшаяся ровная часть без сучков. Она разделяется на чурбаки – «тюлики», длиной от 1 до 1,5 м.

Заготовка

«Тюлики» раскалываются на отдельные поленья, близкие по ширине к дранкам-щепкам, из которых впоследствии изготавливается корзина. Полено имеет конусовидную в сечении форму. Оно, в свою очередь, делится на две части – внешнюю и внутреннюю. Они отличаются по цвету. Как отмечает А.А. Варфоломеев, внутренняя часть слишком смолистая и непригодна для дальнейшей работы. В итоге получается заготовка трапецевидной формы в сечении.

На современном этапе полученная заготовка обрабатывается до прямоугольной в сечении формы на станке. Ранее, очевидно, нужная форма подгонялась при помощи топора.

Полученные заготовки хранились в холодном месте для того, чтобы они не высыхали. При необходимости нужное количество заготовок заносилось в дом, где отогревалось в русской печи.

Изготовление корзины

Деление подготовленного бруска на щепки-дранки происходит следующим образом: вдоль годовых колец, делить начинали ближе к той части бруска, которая являлась внутренней (судя по годовичным кольцам). Брусок надрезается ножом, дальнейшее деление происходит руками. Полученные два брусочка, в свою очередь, делятся надвое, и так далее, пока не получатся тонкие щепки-дранки толщиной примерно 1–2 мм. Они обрабатываются ножом от заусениц. Также ножом снимается фаска – она необходима, чтобы полосы плотнее прижимались друг к другу (рис. 1).

Для изготовления корзины объемом 10 литров необходимо 12 полосок дранки. Основа из двух щепок кладется перпендикулярно друг другу. В нашем

случае формирование основы происходило на столе. Далее продолжается формирование основы простым шахматным переплетением таким образом, что полосы в готовой корзине идут диагонально. Конец каждой последующей полосы делается длиннее предыдущего. Подготовив основу (дно) будущей корзины, можно приступать к оформлению боковых стенок.

Тыльной стороной ножа делается наметка будущих сгибов (переходов от дна к стенке). Делается это таким образом, чтобы не повредить края щепок-дранок, т.е. черта ножом проводится только по внутренней части. Если задеть края щепок, то при сгибании может произойти перелом, что испортит дранку.

Наметка дна делается по диагонали к полосам, вследствие чего как раз и получается диагональное формирование стенок. Благодаря наметке дна, удастся загнуть стенки без опасности растрескивания сырья.

Сначала путем шахматного переплетения формируется один угол корзины, затем – противоположный, и так до тех пор, пока не будет готов весь короб корзины. После этого приступают к оформлению верха.

Для этого берется полоска дранки, более узкая, чем те, что использовались для основы. На внешней стенке оставляются метки для более ровного укладывания верхней полосы. После этого полоска верха затачивается с одного конца, который закрепляется между дранок основы. Далее полоса обматывается вокруг основы корзинки и закрепляется несколькими треугольными «гвоздиками» из жести. После данных манипуляций торчащий край основы убирают ножом (черновой вариант). Таким же образом укрепляют внутренний край корзинки. Внутреннюю и внешнюю полосы скрепляют между собой и с основой треугольными гвоздиками из жести. В качестве наковальни (для того, что сразу загибать гвоздики, проходящие насквозь) используется толстый металлический прут.

Для изготовления ручки используют тонкий брусок, который с одного края расщепляют на три полосы. Одна часть остается целой. Концы затачиваются и утончаются, затем заводятся за полосы основы на внешней стороне корзины. Прикрепляются к основе несколькими гвоздиками из жести.

Укрепление ручки происходит за счет наложения на нее обруча из длинной полосы дранки, которая проходит поверх ручки и обматывается вокруг дна. Окончательное закрепление ручки происходит также жестяными гвоздиками.

После всех процедур ножом подрезается верхний край (чистовой вариант) и убираются оставшиеся заусеницы на основе.

Корзина готова (рис. 2). Пользоваться ею можно сразу же после изготовления. Готовая корзина имеет небольшой вес, ее удобно использовать в различных ситуациях. По объему корзины могут быть изготовлены разными, все зависит от размеров заготовки. Однако, как отмечает мастер, наиболее удобно делать корзины объемом около 10 литров.

По времени изготовление одной корзины заняло около одного часа. Готовые корзины не только удобны для использования в хозяйстве, но они еще и об-

ладают эстетической привлекательностью. Этот экологичный промысел имеет большой потенциал для дальнейшего развития и передачи знаний о нем подрастающему поколению.

Библиографический список

Анисимова Е.Ю. Кустарные промыслы Симбирского-Ульяновского Поволжья конца XIX – второй половины XX веков: автореф. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. – 24 с.

Гвоздева Ж.В. Плетеные корзины из сосновой лучины в быту крестьян Олонецкой губернии (этнографические материалы) [Электронный ресурс] // Электронная библиотека музея Киж. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/317.html>. (дата обращения: 29.10.2023).

Карташова М.В. Локализация кустарных промыслов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (пространственно-статистический анализ) // Историческая информатика. – 2018. – № 1. – С. 63–85.

Короб из щепы [Электронный ресурс]. – URL: <http://музей-чебула.рф/короб-из-щепы/> (дата обращения: 29.10.2023).

Королькова В. Технология изготовления коробов из сосновой щепы (дранки) [Электронный ресурс]. – URL: <https://traditions33.ru/nkn/objects/tecnologiia-izgotovleniya-korobov-iz-sosnovoij-shhepy-dranski/>. (дата обращения: 29.10.2023).

Сведения об авторе:

Вострокнутов Артем Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований УрО РАН, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии ПГГПУ, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: art-vostr@mail.ru.

About the author:

Artem V. Vostroknutov, Candidate of Historical Sciences, PhD, Senior Researcher of Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: art-vostr@mail.ru.

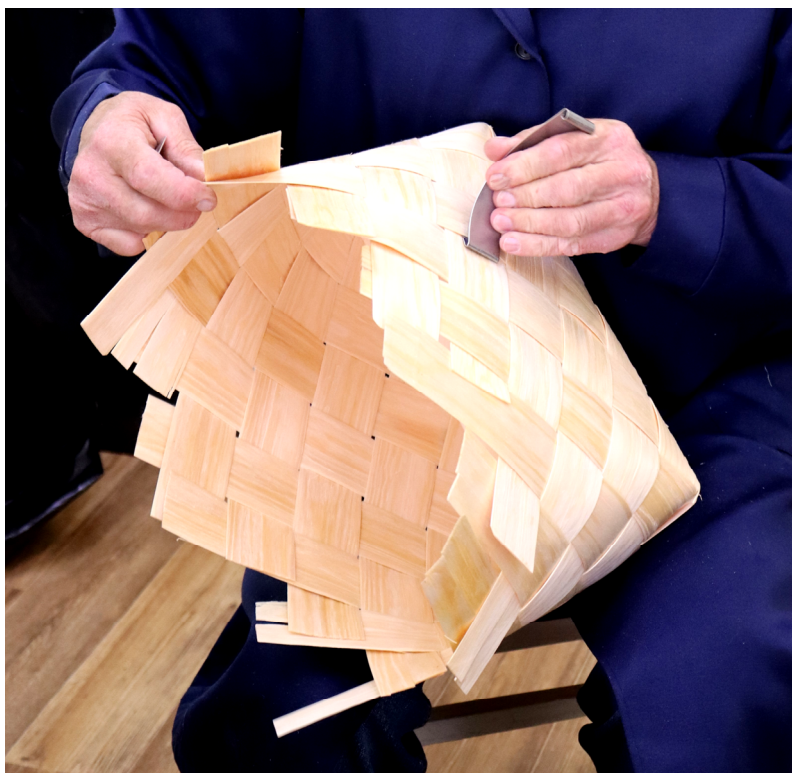

Рис. 1. Процесс изготовления корзины. Красногорский район,
Республика Удмуртия

Рис. 2. Готовая корзина

УДК 930.253

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-60-67

Ю.С. ЧЕРНЫШЕВА^{1,2}**ЛИЧНЫЙ ФОНД ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ
КАК СПОСОБ ХРАНЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ФОЛЬКЛОРНО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ**¹*Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Российская Федерация*²*Пермский государственный архив социально-политической истории,**Пермь, Российская Федерация*

В статье рассматриваются основные проблемы сохранения материалов фольклорно-этнографических экспедиций. Предлагается организация личного фонда исследователя (собиранителя) как форма сохранения экспедиционных материалов. Приведены особенности описи, сохранения, использования и доступа к экспедиционным материалам в личном фонде.

Ключевые слова: фольклорно-этнографические экспедиции, нематериальное этнокультурное достояние, личный фонд.

Y.S. CHERNYSHEVA^{1,2}**THE RESEARCHER'S PERSONAL FUND IN THE STATE ARCHIVE
AS A WAY OF STORING MATERIALS OF FOLKLORE
AND ETHNOGRAPHIC EXPEDITIONS**¹*Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,**Perm, Russian Federation*²*Perm State Archive of Socio-Political History, Perm, Russian Federation*

The article deals with the main problems of storing materials of folklore and ethnographic expeditions. It is proposed to organize the personal fund of the researcher (collector) as a form of storage of expedition materials. The features of the inventory, storage and use and access of expedition materials in the personal fund are given.

Keywords: folklore and ethnographic expeditions, intangible ethno-cultural heritage, personal fund.

© Чернышева Ю.С., 2023

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков) в рамках проекта «Нематериальное этнокультурное достояние народов Российской Федерации как ресурс сохранения многообразия и формирования российской идентичности».

Постановка проблемы

Проблемы хранения материалов фольклорных и этнографических экспедиций возникли еще у первых отечественных исследователей и особенно остро встали в период появления аудиовизуальных и цифровых форматов фиксации. О трудностях, с которыми сталкиваются исследователи при формировании и использовании данных фольклорных и этнографических архивов, уже многократно писали ученые разных специальностей – этнологи, фольклористы, этномузыкологи, филологи, культурологи и др. [Марковская, 2006; Матлин, 2017; Морозов, 2018; Полевые исследования, 2012; Черных, 2022 и др.]. Среди основных таких проблем можно выделить ограниченность доступа к архивам кафедр и отделов вузов, институтов, нехватка человеческих и финансовых ресурсов для активной деятельности таких архивов, утрата части материалов при реорганизации, объединении, слиянии различных отделов организации или ввиду неправильного хранения. Предлагаемые решения этих проблем в виде издания экспедиционных материалов на бумажных носителях, организации публичных архивов в интернет-пространстве показали свою эффективность и широко применяются по всей стране [Свод русского фольклора; Смирнова, 2021; Фольклор Белого моря; Черных, 2021]. Однако не все материалы, собранные в ходе экспедиций, могут быть открыты для общего пользования по разным причинам. Например, некоторые данные не могут быть опубликованы по этическим или религиозным соображениям, часть полевых материалов имеют свою специфику и понятны только для исследователей – но это не делает их менее ценными или ненужными для хранения в архиве.

В 2022–2023 гг. сотрудники Института гуманитарных исследований провели полевые исследования в 11 регионах страны по программе Министерства культуры при поддержке Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова в рамках цикла фольклорных экспедиций по выявлению объектов нематериального этнокультурного достояния народов России. В ходе этих экспедиционных исследований был собран обширный материал, который лишь частично размещен в общем доступе, поскольку демонстрационные ресурсы проекта ограничены. Проблемы хранения экспедиционных материалов может решить организация личного фонда собирателя в государственных архивах.

Личные фонды ученых в государственных архивах – одна из форм сохранения материалов фольклорно-этнографических экспедиций, доступная специалистам и широкому кругу заинтересованных лиц. В российских архивах хранятся десятки личных фондов этнографов и собирателей народной культуры XIX–XXI вв., что свидетельствует о востребованности такого формата (см. личные фонды А.Н. Зырянова (ГКУСО ГАСО. Ф.135), Н.Ф. Катанова (ГБУ «ГА РТ». Ф.969), Н.В. Лукиной (КУ «Государственный архив Югры». Ф. 497) и др.). Одна

из важных особенностей таких личных фондов – наличие разных типов документов, нуждающихся в описании, систематизации, сохранении. В случае с документами на бумажном носителе проблем практически не возникает, в то время как вопросы об описи, сохранении и систематизации аудиовизуальных, электронных и цифровых документов не раз поднимались архивистами [Ланской, 2017; Хаимов, 2018, и др.]. На примере личного фонда российского историка и этнолога, профессора РАН, член-корреспондента РАН Александра Васильевича Черных, хранящегося в Пермском государственном архиве социально-политической истории, рассмотрим особенности описи и хранения материалов фольклорно-этнографических экспедиций, а также доступа к ним.

Особенности описи экспедиционных материалов

Прежде чем перейти к рассмотрению поставленной проблемы, необходимо привести понятия основных терминов. В одной из первых работ, посвященной архивному хранению и систематизации фольклорных материалов, приводятся четыре определения *единицы хранения*: 1) как группы документов, объединенных по содержанию, форме или другому признаку (дело, переписка); 2) как отдельного документа (отчет, доклад); 3) как каждая неразделимая часть документа (магнитофонная лента, тетрадь); 4) как материал, собранный одной экспедицией или корреспондентом. В единице хранения содержатся *фольклорные единицы* (песни, сказки и т.п.) и другие материалы (этнографические сведения, биографии исполнителей и т.п.) [Методическая записка, 1964, с. 11–12]. В российском законодательстве *единицей хранения* называется один из видов единицы учета архивных документов – дело, электронное дело, т.е. совокупность архивных документов или отдельный документ, относящиеся к одному вопросу [Приказ, 2015; ГОСТ, 2014]. В рамках настоящей статьи возьмем за основу это определение, и понятия «единица хранения» и «дело» будут использованы в качестве синонимов.

Дело состоит из одного или нескольких документов, различающихся по типу. Далее для понимания приведем выдержку из ГОСТ Р 7.0.8–2013 о терминах и определениях делопроизводства и архивного дела:

- текстовый документ: документ, содержащий речевую информацию, зафиксированную любым типом письма или любой системой звукозаписи;
- изобразительный документ: документ, воспроизводящий внешний вид и/или внутреннюю структуру какого-либо объекта;
- фотодокумент: изобразительный документ, созданный фотографическим или электронным (цифровым) способом, фиксирующий информацию в виде отдельных изображений – статичных образов;
- аудиовизуальный документ: документ, содержащий изобразительную и/или звуковую информацию;

- видеодокумент: аудиовизуальный документ, созданный способом видеозаписи, фиксирующим информацию в виде последовательно расположенных изображений – динамичных образов;
- кинодокумент: изобразительный или аудиовизуальный документ, созданный фотографическим или электронным (цифровым) способом, фиксирующий информацию в виде последовательно расположенных изображений – динамичных образов;
- фонодокумент: аудиовизуальный документ, содержащий звуковую информацию, зафиксированную любой системой звукозаписи [ГОСТ, 2014].

Стоит обратить внимание, что аудиовизуальные документы представлены в виде *аналоговых, цифровых и электронных*. *Аналоговые* имеют физическое воплощение в виде пленок (фото и видео), магнитных лент, пластинок, стекол и т.п. *Цифровые и электронные* аудиовизуальные документы хранятся в информационной системе архива или на физически обособленном носителе с подходящими характеристиками [Приказ, 2020, п.п.6.1, 7.1]. Собранные в ходе полевых экспедиций материалы, таким образом, хранятся в виде: 1) фонодокументов (аудиозаписи с опросов, записи фольклора и т.п.); 2) видеодокументов (видеозаписи хореографии, фольклора и т.п.); 3) фотодокументов (фотографии, сделанные в ходе работы экспедиции); 4) текстовых документов (полевые дневники, заметки и т.п.) в аналоговых, цифровых и электронных форматах.

При поступлении материалов в архив составляется описание. В описи указываются делопроизводственные индексы или номера, заголовок дела, крайние даты, количество листов или объем (Мб), примечания. Описание составляется по типу документа. Так, в рассматриваемом фонде сформированы описи электронных документов, описи фото-, фоно- и текстовых документов. Дела в описи систематизированы по тематико-хронологическому признаку. К описи составлены географический указатель и указатель этнических и конфессиональных групп. Для того, чтобы выделить материалы на разных носителях, относящихся к одной экспедиции, готовится тематический указатель на несколько описей фонда.

При описи экспедиционных материалов важно учитывать не только *единицы хранения*, но и *фольклорные единицы*, о которых было сказано выше. При таком подходе усложняется обработка материалов при поступлении в архив, но упрощается последующая работа с хранящимися материалами. В материалах современных экспедиций фонодокументы (в особенности – электронные) содержат не одну фольклорную единицу, а целое интервью. Как уже было отмечено специалистами, выделение жанров и нарезка записи интервью неудобна, а иногда и невозможна [Подрезова, 2019, с. 152]. Поэтому для выделения фольклорных единиц используется указатель описи по жанрам в том случае, когда единица хранения равнозначна фольклорной единице. В обратном случае вопрос об указании фольклорных единиц остается открытым. Одним из вариантов решения данной проблемы может быть составление тайм-кодов для фоно- и видеодоку-

ментов (в том числе электронных), которые указываются в графе «примечания» при составлении описи.

Сохранение материалов личного фонда и доступ к ним

Хранение материалов фольклорных и этнографических экспедиций из личного фонда собирателя, хранящегося в государственном архиве, позволяет обеспечить высокую сохранность (в сравнении с хранением в личном архиве или в архиве научной / образовательной организации без юридического статуса). Такое хранение обеспечивает постоянную работу по описи и систематизации материалов специалистами, что не всегда доступно при других форматах хранения экспедиционных материалов.

При этом стоит отметить и ряд проблем, с которыми сталкивается исследователь, желающий поработать с документами личного фонда. В первую очередь, это проблема доступа. Доступ к делам личного фонда регламентируется правилами доступа и использования архивных документов [Федеральный закон, 2004, ст. 24–26]. Кроме того, в методических рекомендациях Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) дается пояснение, что доступ к архивным документам, в отношении которых действуют авторские и смежные права, возможен пользователю при наличии у него соответствующего разрешения правообладателя [Методические рекомендации, 2021, с. 242]. Таким образом, исследователь, которому необходим доступ к фонду, должен сначала получить разрешение правообладателя. Однако получение доступа к личному фонду в государственном архиве регламентировано, в отличие от доступа к архивным материалам образовательных и научных организаций – зачастую архивы на кафедрах или научных отделах отсутствуют как структурная единица, и получить доступ к ним могут только сотрудники организации.

Достаточно остро стоит проблема полноты включения документов в опись. В нашем случае фонд регулярно пополняется новыми поступлениями, в связи с чем требуются дополнения к описи и непрерывная работа с новыми поступлениями. Проблема усугубляется большим количеством электронных документов, поскольку технические возможности экспедиционных исследований последних лет позволяют фиксировать материал в разных форматах (фото, видео, аудио) и больших объемах. К примеру, объем фотодокументов с одного экспедиционного выезда может быть 60 Гб и более и содержать более 2000 файлов. Таким образом, обработка поступлений и составление описи – трудоемкий процесс, требующий много времени.

Еще одна проблема, с которой можно столкнуться при формировании такого рода архива – отсутствие специалиста, знающего тонкости описи фольклорных и этнографических материалов, особенности терминологии и т.п. Работу

с описями осуществляет сотрудник архива, как правило, архивист или историк по образованию, в связи с чем встает вопрос о привлечении специалистов, готовых работать с составлением описей и разбирающихся в тонкостях материалов фольклорно-этнографических экспедиций.

Выводы

Организация личных фондов исследователей в государственных архивах – один из способов хранения материалов фольклорно-этнографических экспедиций. Важной особенностью такого фонда можно назвать наличие разных типов документов, нуждающихся в описании, систематизации, хранении, в том числе электронных.

Хранение экспедиционных материалов в личном фонде собирателя позволяет решить ряд проблем, а именно: 1) ограниченность доступа к архивам кафедр и отделов вузов, институтов; 2) нехватка человеческих и финансовых ресурсов для активной деятельности таких архивов; 3) утрата части материалов при реорганизации, объединении, слиянии различных отделов организации или ввиду неправильного хранения; 4) ограниченность публикационной и демонстрационной работы с материалами архива.

Среди преимуществ хранения материалов в личном фонде можно отметить: доступность (несмотря на ограничения, прописанные в законодательстве); надежность хранения материалов; гарантия правильной обработки и составление необходимых описей и указателей.

Необходимо отметить и ряд проблем, которые еще предстоит решить при хранении экспедиционных материалов: 1) необходимость получения разрешения правообладателя для работы с архивными материалами; 2) полнота включения документов в опись; 3) возможное отсутствие специалистов, осуществляющих опись материалов фольклорно-этнографических экспедиций.

Список сокращений

ГКУСО ГАСО – Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив Свердловской области»

ГБУ «ГА РТ» – Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Республики Татарстан»

КУ «Государственный архив Югры» – Казённое учреждение Ханты Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»

Библиографический список

ГОСТ Р 7.0.8-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. – М., 2014.

Ланской Г.Н. Электронные архивы аудиовизуальных документов: проблемы изучения и использования в исторических исследованиях // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. – М.: Изд-во «Этерна», 2017. – С. 551–557.

Марковская Е.В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Петрозаводск, 2006. – 20 с.

Матлин М.Г. Электронный архив как форма хранения и использования русского фольклора Ульяновской области (на основе электронного комплекса Этлас) // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: матер. междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.). – Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2017. – Ч. 2. – С. 189–192.

Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов / отв. ред. В.Я. Пропп. – Вильнюс, 1964. – 105 с.

Методические рекомендации к Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях / Росархив, ВНИИДАД. – М., 2021. – 330 с.

Миронова В.П., Лызлова А.С., Иванова Л.И. Электронно-информационные формы сохранения, доступности и популяризации архивных материалов // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 289–300.

Морозов Д.В. Фонды фольклорно-этнографических материалов: современное состояние и проблемы сохранения // Живая старина. – 2018. – № 3 (99). – С. 59–60.

Об архивном деле в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (ред. от 28.12.2022). – М., 2022.

Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях: Приказ Федерального архивного агентства от 2 марта 2020 г. № 24. – М., 2020.

Об утверждении правил организации хранения, комплектования, учёта и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях: Приказ Министерства культуры РФ от 31 марта 2015 г. № 526. – М., 2015.

Подрезова С.В., Комелина Н.Г. Из опыта создания базы данных «Фольклор Белого моря в современных записях» // Новые российские гуманитарные исследования. – 2019. – № 14. – С. 152.

Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов: материалы V Научно-практического семинара. Петрозаводск, 21–22 марта 2012 г. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. – 275 с.

Свод русского фольклора. Былины. [Электронный ресурс]. – URL: <http://zvukbyliny.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения: 23.08.2023).

Смирнова А.А. Электронный фольклорный архив НИУ ВШЭ // Живая старина. – 2021. – № 2 (110). – С. 41–42.

Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты. [Электронный ресурс]. – URL: <https://folklor.kaisa.ru/> (дата обращения: 23.08.2023).

Хаимов В.З. Интерпретация понятий учетных единиц применительно к современным условиям хранения аудиовизуальных документов // Отечественные архивы. – 2018. – № 1. – С. 47–51.

Черных А.В. Фольклорные собрания и архивы: проблемы сохранения и перспективы развития // Традиционная культура. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 13–24.

Черных А.В. Фольклорный архив. Пермский край: исследовательский и издательский проект // Славянская традиционная культура и современный мир. Слово. Время. Человек. Вып. 19 / сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова, Т.М. Санникова, А.В. Черных. – Пермь; СПб.: Маматов, 2021. – С. 10–20.

Сведения об авторе:

Чернышева Юлия Сергеевна, научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН, г. Пермь; главный архивист сектора комплектования личных фондов отдела комплектования Пермского государственного архива социально-политической истории, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: yulyachernysheva99@gmail.com.

About the author:

Yulia S. Chernysheva, Researcher of Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm; Chief archivist of the sector of Acquisition of Personal Funds of the Department Complete of Perm State Archive of Socio-Political History, Perm, Russian Federation, e-mail: yulyachernysheva99@gmail.com.

УДК 39

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-68-72

С.В. НЕГАНОВ**АРХИВНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ НОВАЦИЯ В РАБОТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА***Пермский государственный архив социально-политической истории,
Пермь, Российская Федерация*

В настоящей статье представлена современная методика этнографических исследований путем проведения архивно-этнографических экспедиций как новая в работе государственных архивов. Представлены задачи и результаты двух экспедиций, проведенных Пермским государственным архивом социально-политической истории (ПермГАСПИ) при поддержке Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН в 2019 г. в Красновишерский район. Целью экспедиции стал сбор фольклорного и этнографического материала уникального народа, проживающего только на территории Пермского края, – коми-язьвинцев. В ходе экспедиции были собраны уникальные аудио- и видеоматериалы, фиксирующие устную речь на коми-язьвинском языке. Собранные в ходе экспедиции материалы вошли в состав созданного в ПермГАСПИ архивного фонда «Коми-язьвинский народ: история, этнография, язык». По результатам экспедиции был создан на сайте ПермГАСПИ «виртуальный портрет язьвинских пермяков» – интернет-портал, посвященный язьвинским пермякам, где можно прочитать всё о культуре и традициях язьвинцев.

Ключевые слова: архивно-этнографические экспедиции, коми-язьвинцы, ПермГАСПИ, этнографические исследования, этнография, интернет-портал, этническая история Пермского края.

S.V NEGANOV**ARCHIVAL AND ETHNOGRAPHIC EXPEDITION AS A RESEARCH
INNOVATION IN THE WORK OF THE STATE ARCHIVE***Perm State Archive of Socio-Political History, Perm, Russian Federation*

This article presents the modern methodology of ethnographic research through archival and ethnographic expeditions as new in the work of state archives. The objectives and results of two expeditions conducted by the Perm State Archive of Socio-Political History (PermGASPI) with the support of the Institute for Humanitarian Research of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in 2019 to the Krasnovishersky district are presented. The goal of the expedition was to collect folklore and ethnographic material from a unique people

living only in the Perm Territory - the Komi-Yazvintsy. During the expedition, unique audio and video materials were collected that recorded oral speech in the Komi-Yazvin language. The materials collected during the expedition became part of the archival fund "Komi-Yazvin people: history, ethnography, language" created in PermGASPI. Based on the results of the expedition, a "virtual portrait of the Yazva Permians" was created on the PermGASPI website – an Internet portal dedicated to the Yazva Permians, where you can read everything about the culture and traditions of the Yazva Permians.

Keywords: *archival and ethnographic expeditions, Komi-Yazvintsy, PermGASPI, ethnographic research, ethnography, Internet portal, ethnic history of the Perm region.*

Первого июля 2019 г. в Пермском крае начала работу первая в истории архивной отрасли региона архивно-этнографическая экспедиция. Целью экспедиции являлся сбор фольклорного и этнографического материала уникального народа, проживающего только на территории Пермского края – коми-язьвинцев [Чагин, 1993].

Коми-язьвинцы – обособленная финно-угорская народность в России. В настоящее время язьвинцы в основном проживают в ряде населённых пунктов Красновишерского района Пермского края: деревни Бычина и Нижняя Бычина, село Верх-Язьва, деревни Паршакова, Арефина, Антипина, Ванькова. Предки коми-язьвинцев занимали значительную территорию междуречья Камы, Вишеры, Колвы. Скорее всего, население, давшее основу коми-язьвинцам, представляло собой особую этнолингвистическую группу [Лыткин, 1961]. Оно имело общие хозяйственные навыки, языковые и культурные признаки.

В XIX в. язьвинцы как староверы преследовались властями. По своему вероисповеданию язьвинцы – старообрядцы-беглопоповцы. Коми-язьвинцы впервые были учтены как самостоятельный народ при переписи 1926 г. Позднее, до 1990-х гг., существование этого народа официально не фиксировалось. В конце XX в. многие исследователи, прежде всего зарубежные, были уверены в полном исчезновении живых носителей коми-язьвинского языка и культуры [Чагин, 1993].

Архивно-этнографическая экспедиция к коми-язьвинцам в 2019 г. была организована Пермским государственным архивом социально-политической истории (ПермГАСПИ) при поддержке Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

В задачи экспедиции входили сбор аудио-, видеоматериалов устной речи на коми-язьвинском языке с рассказами о быте и жизни в местных населённых пунктах, о биографии рассказчиков, фольклоре коми-язьвинцев и т.д. Также в ходе экспедиции собирался этнографический материал, представленный в фотографиях и документах.

Организовывал работу экспедиции директор Пермского государственного архива социально-политической истории С.В. Неганов, а в качестве научно-

го руководителя проекта архив пригласил члена Научного совета ПермГАСПИ, доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН, директора Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН А.В. Черных. Руководителем экспедиции на Верхней Язьве стал начальник отдела запросов Пермского государственного архива социально-политической истории Зоя Ивановна Паршакова, которая по счастливому стечению обстоятельств является уроженкой тех мест и представительницей язьвинского народа.

На первом этапе экспедиции в её состав вошли также бакалавр, выпускник историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета Ольга Паршакова и студентка II курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Татьяна Собянина, обе родом с Верхней Язьвы.

Первый этап полевой работы в 2019 г. прошел с 1 по 14 июля. В ходе экспедиции были собраны уникальные аудио- и видеоматериалы, фиксирующие устную речь на коми-язьвинском языке. Было получено более пяти часов записей с участием Анны Ивановны Антипиной, Натальи Илларионовны Семериковой, проживающих в деревне Ваньково Красновишерского района, Елены Маркеловны Кичигиной из поселка Верхняя Язьва того же района с рассказами на бытовые и биографические темы.

Второй этап архивно-этнографическая экспедиция проходил с 19 по 23 августа 2019 г. Работала экспедиция в селе Верх-Язьва, деревнях Паршакова, Антипина и Ванькова Красновишерского района. Руководила полевыми работами по-прежнему начальник отдела запросов ПермГАСПИ З.И. Паршакова. В экспедиции участвовали главный архивист отдела запросов Дарья Владимировна Митяева, главный методист нормативно-методического отдела Дмитрий Владимирович Смирнов и студентка II курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Татьяна Собянина.

В ходе второго этапа экспедиции были собраны уникальные аудио- и видеоматериалы, фиксирующие устную речь на коми-язьвинском языке. Было получено более шести часов записей с участием Анны Ивановны Антипиной, Натальи Илларионовны Семериковой, проживающих в деревне Ваньково, Елены Маркеловны Кичигиной, Ирины Ивановны Калининой, Любовь Николаевны Собяниной, Светланы Ивановны Антипиной из поселка Верхняя Язьва, Сергея Филипповича Антипина, Зинаиды Апполинарьевны Антипиной из деревни Антипина с рассказами на бытовые и биографические темы.

В ходе экспедиции были собраны также уникальные материалы детского летнего лагеря «Шуд да бур», существовавшего в период работы сельского клуба в деревне Антипино. В материалах, собранных детьми, представлены

песни и частушки, описание свадебных обрядов коми-язьвинцев, традиционных праздников, в том числе сценарии национального праздника «Сарчик приносит весну». Кроме того, учителем Верх-Язьвинской школы Иваном Мартемьяновичем Паршаковым в архив был передан большой объем фотодокументов по современной этнографии язьвинских пермяков.

Собранные в ходе экспедиции материалы вошли в состав созданного в Пермском государственном архиве социально-политической истории архивного фонда «Коми-язьвинский народ: история, этнография, язык». Уникальные записи устной коми-язьвинской речи, которые были зафиксированы и опубликованы впервые в современной истории, в дальнейшем были размещены в открытом доступе на сайте Пермского государственного архива социально-политической истории.

Пермский государственный архив социально-политической истории создал на своем сайте «виртуальный портрет язьвинских пермяков» – интернет-портал, посвященный язьвинским пермякам, где можно прочитать всё о культуре и традициях язьвинцев, об их истории и самое главное – услышать живую речь на язьвинском языке. Таким образом, наглядно опровергается представление многих современных лингвистов о том, что язьвинский язык является мёртвым языком.

Портал «Коми-Язьвинский народ» на сайте Пермского государственного архива социально-политической истории был открыт 19 мая 2023 г. [Портал...]. Портал является результатом многолетней работы ПермГАСПИ по инициативному комплектованию и популяризации архивных документов по этнической истории Пермского края и истории реализации государственной национальной политики в крае.

На портале представлены документы по истории коми-язьвинцев, материалы архивно-этнографической экспедиции по сбору фольклорного и этнографического материала и уникальные аудио- и видеоматериалы, фиксирующие устную речь на коми-язьвинском языке. Кроме того, на портале представлены письменные и фотодокументы, посвященные современной этнографии язьвинских пермяков, также на портале представлены публикации, посвященные коми-язьвинскому народу и его уникальному языку, и библиография, в которой собраны все публикации по данной теме [Портал...].

Библиографический список

Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки // Пермский областной творческий центр. – Пермь, 1993.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.

Портал Коми-Язывинский народ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.permgaspi.ru/komi-yazvinskij-narod.html/> (дата обращения: 03.11.2023).

Сведения об авторе:

Неганов Сергей Васильевич, Директор Пермского государственного архива социально-политической истории, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: archiv@permgaspi.ru.

About the author:

Sergey V. Neganov, Director of the Perm State Archive of Socio-Political History, Perm, Russian Federation, e-mail: archiv@permgaspi.ru.

УДК 81-25

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-73-82

И.А. ПОДЮКОВ**ЛЕКСИКА СУДОХОДСТВА В ПЕРМСКОМ КРАЕ
ПО ФАКТАМ ДИАЛЕКТНОЙ И ЖАРГОННОЙ РЕЧИ***Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

В статье рассматриваются семантические особенности, история происхождения лексики судоходства, зафиксированной в пермских народных говорах и устной профессиональной речи пермских водников. Отмечается тематическое разнообразие словаря речников (наименования типов судов, их деталей и механизмов, состояния водных путей, метеорологических условий плавания, названия профессий и должностей речников). Анализируются способы создания неофициальной речной терминологии – внешние и внутренние заимствования, метафорическое переосмысление слов (персонификация, зоонимизация, переосмысление названий бытовых предметов), разные виды аббревиации. Выявляется устойчивая для разных разрядов неформальных терминов судоходства установка на языковую игру, проявляющаяся в шуточных отсылках, каламбурных формах. Отмечается отраженность в образной части словаря речников особенностей профессиональной картины мира, характера мировосприятия представителей экстремальной профессии. Высказывается предположение о «корпоративизации» языка речников, все большем обретении им функции социальной самоидентификации. Делаются выводы о близости пермской неофициальной судоходной лексики к речной лексике других регионов России. Устанавливается детализированность профессиональных номинаций, сохранении в их среде архаичных мифологически мотивированных аналогий, которые постепенно начинают использоваться как рабочий прием создания профессиональной метафоры.

Ключевые слова: диалекты, профессиональная речь, происхождение специальной лексики, неофициальные термины, региональные особенности.

I.A. PODYUKOV**VOCABULARY OF SHIPPING IN THE PERM REGION ACCORDING
TO THE FACTS OF DIALECT AND SLANG SPEECH***Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russian Federation*

The article examines the semantic features, the history of the origin of the vocabulary of navigation, recorded in Perm vernacular dialects and oral professional speech of Perm water workers. The thematic diversity of the dictionary of rivermen is noted (the names of types of vessels, their parts and mechanisms, the condition of waterways, meteorological conditions of navigation, the

© Подюков И.А., 2023

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-412-590002 «Промышленные горнозаводские субкультуры Прикамья в языковом отражении».

names of professions and positions of rivermen). The methods of creating unofficial river terminology are analyzed – external and internal borrowings, metaphorical reinterpretation of words (personification, zoonymization, reinterpretation of the names of household items), different types of abbreviation. The article reveals a stable attitude to the language game for different categories of informal shipping terms, which manifests itself in playful references, punning forms. It is noted that the figurative part of the dictionary of rivermen reflects the features of the professional picture of the world, the nature of the worldview of representatives of the extreme profession. The assumption is made about the "corporatization" of the language of rivermen, their increasingly acquiring the function of social self-identification. Conclusions are drawn about the proximity of the Perm unofficial shipping vocabulary to the river vocabulary of other regions of Russia. The detailed nature of professional nominations is established, the preservation of archaic mythologically motivated analogies in their environment, which are gradually beginning to be used as a working technique for creating a professional metaphor.

Keywords: *dialects, professional speech, the origin of special vocabulary, informal terms, regional peculiarities.*

Сердце Прикамья, главный его символ – река Кама. Одна из самых крупных рек России, она связывает Пермский край с пятью морями. С древности Кама имела огромное значение в жизни населявших ее берега народов, в их торговых связях с народами Средиземноморья, Ближнего Востока, Сибири. Важнейшая транспортная магистраль России, вместе со своими судоходными притоками – Вишерой, Яйвой, Иньвой, Косьвой, Обвой, Чусовой – река существеннейшим образом повлияла на развитие края [Белавин, 2023].

С XVIII в. и в XIX в. судоходство на Каме основывалось на каторжном труде бурлаков, грузы отправлялись на особых судах «белянах» (они строились из необработанных и непокрашенных бревен). XIX в. – время появления на Каме паровых судов-колёсников (во второй половине XIX в. ее просторы бороздят до полутысячи судов). XX в. – время интенсивной эксплуатации реки, бассейн которой оказался подвержен серьезным антропогенным негативным нагрузкам. С начала индустриализации до наших дней река была частью гигантского технопромышленного мира и оказалась беззащитной и уязвимой. Время возрождения пермского судоходства, создания нового, экологически чистого водного транспорта и оздоровления реки еще не наступило.

Реки – это транспортные пути, источники электроэнергии, водоснабжения и биологических ресурсов. Если они и не формируют характер живущих на них людей, то так или иначе влияют на особенности их мировосприятия. Увидеть эти особенности помогает обращение к языковым фактам. В данной статье рассматривается диалектная и профессиональная лексика тех, кто прожил жизнь на реке, связал с ней свою трудовую деятельность. По языковым фактам восстанавливается отношение к реке жителей уральских деревень, очерчиваются ракурсы восприятия её народным сознанием. Исследуются истоки лексики, связанной с судоходством, описываются ее семантические особенности. Особое внимание обращено на лексику, представленную в профес-

сиональном жаргоне пермских речников. Словарь речников к настоящему времени описан недостаточно, притом, что морская лексика в целом хорошо известна и отражена в ряде отечественных словарей и справочных изданий. Профессиональный словарь речников во многом сближается с языком моряков, представителей другой романтической и одновременно опасной, трудной профессии. Оба эти профессиональных подъязыка отличает большое количество иностранных по происхождению терминов, особая образность, высокая экспрессивность, ярко выраженное игровое начало. В обоих подъязыках почти отсутствует глагольная лексика. «Запрещен» к употреблению и у речников, и у моряков глагол *плыть*, который в своей семантике содержит указание двигаться в воде, по ее поверхности без определенной цели и выбранного направления. Глагол этимологически родственен слову *плот*, латинскому *pluit*, немецкому *flut* (вероятно, из звукоизображения о плеске воды, идущем дожде). Предписанные традицией глаголы *идти* / *ходить*, напротив, указывают на наличие маршрута, на сознательно выбранное движение в нужном направлении. В говорах нередко в этом же качестве используется глагол *ездить* (*Мы вот раньше рыбачить ездили в лодке всё – здымашься на шестах*, Вёлс, Красновишерский район).

Есть и свои особенности словаря речников. Так, в нем отражается детальное знание видов течений на реке, извилистости рек, наличия на реках каменистых порогов, отмелей. Опытный речник обязательно изучает режим реки, непостоянные, меняющиеся в зависимости от времени года и количества осадков явления (такие как глубина реки, «характер» течения); моряки же большее внимание обращают на ветер и движение, силу волн.

Пермская лексика судоходства, слова, отражающие «жизнь» реки и особенности жизни на реке, частично описаны в местных диалектных словарях. Так, в известном Акчимском словаре (АС) зафиксировано немало «водных» слов, в которых представлены гидрографические особенности северной реки Вишеры. Это названия мест на реке: *барлужина* ‘глубокое место’, *борозда* ‘наиболее глубокая часть русла реки’, *ходовая* ‘судоходная часть русла реки’, *вал* ‘мелководный участок в русле реки’, *буча* ‘водоворот’, *материк* ‘основное русло реки в отличие от притоков’, *бечева* ‘прибрежная полоса мелких камней и песка’, *боец* ‘выступающая в реку береговая отвесная скала’, *осерёдок* ‘песчаная мель посередине реки, опасная для судоходства’. В говорах отмечается качество речной воды (*каменная вода* ‘прозрачная и холодная вода горной реки’), уровень воды в реке (*сухая вода*, *суховодье* ‘о низком уровне воды’, *межа* ‘граница самого низкого уровня воды’). Группа диалектных названий обозначает скопление льдин (*спор*, *льдинник*), ледяное крошево на воде (*шорох* ‘неровность, бугор на ледяной поверхности’, *шуя*, или *шуга* ‘слипшийся снег’, *тáлик* ‘протаявший лед’, *бóхоть* ‘вода со снегом на реке’). О редком способе передвижения по рекам свидетельствует название шеста

для передвижения в лодке *тинень*; слово, скорее всего, родственно названию изгороди из шестов *тын* (в некоторых славянских языках *тин*), связано с глаголом *втыкать*; суффикс «-ень» в нем реализует значение «предмет по действию с ним», как в словах *плетень*, *гребень*. Соблазнительно, хотя сомнительно усмотреть здесь мифологический смысл: соотнесение названия специфического инструмента, позволяющего удивительно легко подниматься вверх по течению стремительных северных рек, с именем водяного *Тинень* (в авторской сказке «Дорога светляков» А. Андрияновой это хозяин Русальего озера; имя, скорее всего, окказиональное, ассоциируется с названием водорослей, тиной, в которую обычно опутан водяной).

Диалектная специальная лексика может быть ценна информацией о способах передвижения по обмелевшим, замерзшим рекам (ср. в связи с этим название специально прорываемого по дну обмелевшей реки углубления *корыто*, название свободной полосы воды среди льда, прорубленной во льду дороги для лодки *ворга*). Известна достаточно экзотическая версия о связи названия *ворга* (часто используемого и как топоним) с санскритским обозначением замкнутого убежища, защитного круга [Львов, 2009, с. 46]. Скорее всего, слово является заимствованием из коми языков (у коми-пермяков *ворга* ‘тропа в лесу, русло реки’). Слово отмечено и в речи рыбаков как название прохода в заграждении на реке для установки ловушек. В других говорах это название болота, залива (архангельское), санная зимняя дорога, поляна в лесу. По М. Фасмеру, первоначально это карельское обозначение сырой низины *orgo* [Фасмер I, с. 351].

Тематическое разнообразие «водной» лексики пермских говоров указывает на развитость судоходства в Пермском крае в прошлом. Это названия судов, которые строились на местных верфях во второй половине XIX в. и были известны на Вятке, Печоре, в Сибири: баржи, большие плоскодонные ладьи, *бархоты* (искажен. *бархоут* ‘обшивка корабля’, из нидерландского *berghout*, от *bergen* – охранять, и *hout* – дерево), *барки*, *коломенки*, *шитики*, *расшивы*, *гусяны* и пр. Лексика касается типов построек (*кулевозка* баржа для перевозки товаров, *дровяница* или *водолазка* ‘баржа для перевозки дров’), деталей построек (*обходное дерево* ‘верхний брус в борту баржи’, *накурок* ‘бортовое ответвление верхней части шпангоута баржи’, *плечо* ‘закругленная боковая часть судна’, *тёлгас* ‘настил из досок на дне баржи, лодки’ – из финских языков, ср. *тёлдас* – карельское и архангельское название внутренней обшивки и настила палубного судна, от *tello* – ‘скамья, банка в лодке’ [Фасмер IV, 37]). В говорах зафиксированы названия судовых снастей (*камень*, *якорный камень* ‘якорь в виде камня с отверстием’, *железо* ‘лот, опускаемый в воду для придания устойчивости ходу судна’, *бабка*, или *ухват* ‘столб, стояк на судне для наматывания причального каната’), названия профессий работников (*плечев-*

щик ‘опытный плотник’, *ссорищик* ‘рабочий, который достает зацепившийся за что-либо на берегу канат, на котором тянули судно’).

Широко развитая гидрологическая сеть в Прикамье способствовала использованию судов и лодок как средства активного промышленного освоения территорий, как обязательного атрибута хозяйственно-промысловой деятельности. Опыт традиционного деревянного, «народного» судостроения как исчезающей культуры, «география» лодочного мастерства зафиксированы в системе лодочной терминологии. Так, в п. Орёл рядом с Усольем изготавливались большие лодки-плоскодонки *орляны* для перевозки железа, на севере мастерили длинную лодку с плоским узким днищем *вишерянку* (*вишерку*; называют ее также *чалдонка*, *северянка*); на мелководном колвинско-печорском волоке применялась сравнительно легкая лодка-трехдосковка *колвинка*, а по Обве плавали в остроносых *обвинках* (см. подробно о видах названий лодок в нашей статье [Подюков 2022]).

Способы образования связанной с судоходством лексики разнообразны. Это, во-первых, многочисленные заимствования из других языков: *лайба* ‘большая лодка с широкими бортами и с палубой’, ср. финское *laiva* – «лодка, судно»; *плашкот* – плоскодонное судно с малой осадкой, от нидерландского *Plaatschuit*, где *plaat* – плоское, *schuit* – лодка. К заимствованиям относятся также отдельные названия судов и их частей, средств крепления (*мёлгас* – ‘настил из досок на дне лодки’, *шейма* – ‘якорный канат’, заимствовано через саамское *sieima* просмоленный канат из древнескандинавского *sími* – ‘канат’ [Фасмер IV, с. 422]. Название стойки для крепления каната *кнек* является деформацией нидерландского *knecht* – ‘парная тумба с общим основанием на палубе судна или на причале для крепления тросов’. Обозначение причального каната *швартов*, *швартовка* связано с нидерландским *zwaartouw*. Из более поздних отметим названия *тангэнта* – ‘кнопка для включения судовой рации’ (из французского обозначения касания), *скег*, *скеговое судно* ‘судно на воздушной подушке’ (из английского названия конструкции для ограждения воздушной подушки на днище *skegg* или *skag*), *слип* – ‘сооружение для подъема и спуска судов по рельсовым путям’ (от английского *slip* – скольжение). Внутренние заимствования связаны с использованием на Каме кораблей, первоначально созданных в других территориях России (весельные суда *городецкие* названием указывают на нижегородский Городец, известный в прошлом на всю Россию традицией судостроения; лодки *гусянки* первоначально строились на реке Гусь в Рязанской губернии).

Если заимствования из европейских языков в основном связаны с обозначением технических средств, то привлеченные из русских говоров слова называют чаще детали речной среды (особенно представляющие опасность), редко – название деталей корабельного устройства (ср. *пóдволо*к в говорах – обозначение чердака, на языке речников – внутренняя сторона палубной об-

шивки у судов; потолок). *Каргой* в пермских говорах и в речи судогодов (Урал, Сибирь) называют мелкое место в реке с каменистым дном (в архангельских говорах это топкое место, болото, в онежских мель на реке). *Карчи* – это находящиеся на дне старые пни или деревья; *хобот* – колено реки, крутой и короткий изгиб ее русла; *сувóдь* – участок реки с обратным вихревым течением; *шиверá* ‘мелкий и быстрый перекат с камнями’. Места на реке, требующие внимания при судоходстве, – это также *огрудок* ‘небольшое скопление камней вблизи берега’, *опечек* ‘галечная отмель’, *осерёдок* ‘песчаная отмель на дне реки’, *перевал* ‘участок реки, где судовой ход’ (предназначенный для судов путь) резко переходит от одного берега к другому. Диалектизмы используются речниками при характеристике течения реки. *Прижим* – это нагон воды на отвесный (обычно скальный) берег на повороте реки, *разбой* – ‘разбиение русла реки на рукава’, *волóжка* – ‘второе русло реки, отделенное от основного островом’, *заплёсок* – ‘узкая полоска берега, заливаемая водой’, *затонина* – ‘песчаная коса’.

Крайне активно создание судоходных названий метафорическим переосмыслением обычной нарицательной и собственной лексики. Стоит отметить, что и моряки, и рыбаки склонны персонифицировать водные и воздушные стихии как губительные, опасные для жизни (ср. явно задабривающее обозначение Тихого океана *Тихоныч* [Каланов], дующий с высокого берега ветер *горыч*, *горыня* [Заикина, 1976, с. 131]), сильный северо-восточный ветер на Каспийском море носит имя *Егор* [Прох, 1983, с. 77], северный ветер имя *Яшка* (онежское) [Карамышева, 2008, с. 44].

На трагическую гибель на море указывает оборот *море взяло* (архангельское) [СНРР 2016, с. 8], в реке – *река взяла (вода) взяла*: «*Придёт весть страшна и грозна... сына вашего, вашего друга вода взяла*» (Б. Шергин, «Двинская земля»). В Поморье переход от прилива к отливу и обратно обозначается выражением *выдох моря* [Каланов], пермское выражение (зафиксировано в Чайковском районе) *река вздохнула* обозначает первую подвижку льда. Водные стихии, как и природные силы вообще, понимались и как источник жизни, и как средоточие опасностей; на универсальность таких представлений указывает нижненемецкое обозначение разыгравшегося шторма *Määr späält Tähn*, букв. «море играет зубами». Разлив вод в народном сознании представлялся как высвобождение слепых стихийных сил природы, требующих ритуального задабривания: *Река, нонче она тихо шла, а раньше – горой, ухат только! Дак это, реку золотили. Вот первый раз сядешь в лодку, ну и бросишь две-три копейки или хлебушка кусочек...* (Тетерино, Соликамский район). Часто с понятием игры связываются в народной речи необычные состояния природной среды: *Река играт, вода то садится, то прибывает, дождь дак* (Молебка, Кишертский район). Тема игры вообще часто соотносится с миром природы, с проявлением ее активности: *играет ветер, снег, бу-*

ря, заря, месяц, играет солнце (о перемене погоды). Сюжеты с играющими природными объектами, называя редкое природное явление, косвенно передают мысль о стихийном протекании природной жизни, никак не зависящей от воли и участия человека.

Одушевление стихий переносится на персонификации, которые использованы по отношению к судам (о чем выражения типа *убить барку*: «За всю свою долгую жизнь ни разу Епимен барки «не убивал», и уважали его за умение», легенда «Последний сплав о лоцмане Теплоухове»). Корабль подобен человеку (неслучайно ритуал спуска на воду судна на воду сопоставляют с обрядом крещения). Отсюда и корабельная терминология соматического происхождения: *нос* корабля, *плечо*, или *скула* ‘изгиб на корпусе судна, где борт, закругляясь, переходит в носовую заостренную часть’ (носовая часть корабля метафорически воспринимается как голова человека).

Следы персонификации судов видны и в более поздних их названиях. Напр., судоходы называют *композиторами* теплоходы с официальными именами типа *Композитор Глазунов, Глинка (Римский-Корсаков, Игорь Стравинский; композитором* могли назвать даже катер-буксир, на котором была установлена радиотрансляционная установка и проводились радиотрансляции музыки). Аналогично *художником* называют суда типа *Илья Репин, Андрей Рублев*. Судно-лесовоз нередко называется *разбойник*, так как краны на высоких платформах отчасти внешне сближают его с судном с мачтами (*Brigand* по-французски «разбойник»). Скеговое судно «Заря» характеризуется нередко как *Бандитка* (за сильную волну, которая на малых реках сметает все на своем пути). Человеческие имена получают также особо выделенные судовые атрибуты: *Яков, Яшка, Иван, Иван Иванович* – крупный якорь (ср. *Иван* ‘массивная тумба на рыболовном траулере’ [Каланов]). Встречаются также женские имена в уничижительной форме типа *Машка* ‘швабра’, *Алёнка* ‘мусорное ведро’ (вероятно, не только в связи с представлением о том, что мытье и уборка типично женские занятия, но и как отголосок традиционного суеверия о том, что женщина на судне к беде).

Группа номинаций содержит уподобление животным: *Крокодил* – четырехпалубный теплоход (проект 92-016, построен в Чехии; название мотивировано тем, что на полубаке находятся два прожектора, напоминающие торчащие над водой ноздри крокодила); *Верблюд* – трёхпалубный теплоход проекта 588 и 26-37 (силуэт судна подчеркивают две трубы – обычная и фальштруба). *Быками* речники называют толстые доски, набиваемые на наружные стенки судов для их прочности, *конём* – бревна для настила палубы в барже или крепления из бревен, соединяющего нос и корму баржи. Встречаются и «птичьи» аналоги – для характеристики двухпалубного судна использовано слово *чижик*. Название пестренькой птички веселой желто-зеленой расцветки подчеркивает его предназначенность: судно использовалось как прогулочное класса «Люкс».

Специальная двурогая деталь, закрепленная на фальшборте или палубе и служащая для крепления на ней тросов (в том числе при швартовке судна), получила название *утка* из-за отдаленного сходства с водоплавающей птицей (две широко расставленные короткие ноги-опоры, несколько суженные концы как короткий заостренный хвост и клюв птицы).

Многочисленны названия, содержащие аналогию судов и их элементов с бытовыми предметами: *канистра* – танкер, *чемодан* – ‘теплоход большого размера’, *книжка* ‘судно, носящее имя писателя’ (обычно проект серии Q), *скворечник* – рубка корабля, *сервант* – ‘теплоход постройки австрийских верфей’ (проекты 040 и 056), *подвал* – машинное отделение, *банан* – внутрисудовой телефон, *пианино* – рулевая колонка теплохода 588 проекта, *пылесос* – ‘водомётный движитель’, *кочерга* – ‘рукоятка механического переключения руля’, *карандаш* – ‘длинный крепежный ключ’. Подобные образные номинации развивают тему освоённости природного пространства, близости судна к человеческому дому. В ряде таких номинаций выражено шутливое отношение к реалиям, с которыми связан повседневный труд речника.

Еще один особенно активно используемый в языке речников способ создания профессионализмов – аббревиация (создание аббревиатур вообще характерно для нестандартных форм речи). В живой профессиональной речи нейтральных по значению аббревиатур и сокращенных слов немного (*ОТА* – озерный толкач автоматизированный, *САПП* – средства автоматической радиолокационной прокладки курса судна, *дым-труба* – конструкция над надстройками судна, предназначенная для отвода продуктов горения; структурно термин напоминает название *фальштрубы* – декоративной конструкции, скрывающей выводящие пар и воздух трубы). Как прием экспрессивного словообразования, аббревиация и сложносокращенные слова – яркая мета замкнутого сообщества (исследователи нередко усматривают у таких образований функцию пароля). В речи водников отмечается разные типы аббревиатур – инициально-буквенные и буквенно-звуковые сокращения, усечения, для большинства из них характерна установка на языковую игру. Таково название частого при грузовых и пассажирских перевозках пункта назначения Астрахань *Астра*, города Чайковский *Чикаго* (ср. в речи северных моряков *Палермо* о находящемся у Баренцева моря г. Полярный). Название сухогруза проекта 576 *Шестая Пятилетка* превращается в *Шныг* или *Шипига* (шутливая отсылка к диалектному названию бородавки-шипицы). Противопожарный катер (ПЖК) проекта 364 получает название *Пыжик* (сравнительно небольшое белокрасное судно с мощными насосами уподоблено птице серовато-бурой окраски с белым низом; возможно, ассоциативная связь поддерживается тем, что известно народное название клубка, чрезмерно упитанного человека – *пыж*; ср. также *пыжиться* ‘важничать’, *пыж* у судоводов носовая часть судна). На-

звание короткого замыкания *коза* из КЗ представляет перевод, псевдорасшифровку аббревиатуры для достижения комического эффекта.

Лексика судоходства, зафиксированная в пермских народных говорах и устной профессиональной речи пермских водников, менялась вместе с развитием водного транспорта. К настоящему времени мы видим сохранение в народной речи большого количества наименований, отмечающих разнообразие судов, особенности водных путей, метеорологические условия плавания по рекам. Разнообразны способы создания неофициальной речной терминологии, среди которых преобладает метафорическое переосмысление слов. Словотворчество, установка на языковую игру в словаре речников указывают на специфику их профессиональной картины мира. Оставаясь средством закрепления профессионального опыта, лексика судоходства выступает еще и в опознавательном качестве, как маркер отнесенности к определенной корпоративной культуре.

Список источников

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Вып. I – VI. – Пермь: ПГУ, 1984 – 2011.

Вахтин – Вахтин В.В. Объяснительный морской словарь. – СПб.: Изд. комиссии Морского м-ва Н.Г. Мартынова, 1894. – 390 с.

Каланов – Каланов Н.А. Словарь морского жаргона [Электронный ресурс]. – URL: www.kalanov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

Прох – Прох Л.З. Словарь ветров. – М.: Гидрометеиздат, 1983. – 312 с.

Словарь морских и речных терминов / под ред. М.И. Черновой. Т. I-II. – М.: Изд-во Речной транспорт, 1955–1956.

СНРР – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска. Т.2. Ч.1. Профессиональная речь моряков и рыбаков. – Архангельск: САФУ, 2016. – 199 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I – IV. – М.: Астрель-АСТ, 2003.

Библиографический список

Белавин А.М. Реки как транспортная основа Камского торгового пути // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. XXI. – Пермь, 2022. – С. 3–14.

Заикина О.А. Названия ветров, мотивированные географическими терминами и топонимами, в говорах русского Севера // Вопросы ономастики. – Свердловск: УрГУ, 1976. – № 11. – С. 131–133.

Львов Е.В. Русский язык и санскрит как ключи для этимологических и топонимических исследований // Язык и культура. – Томск, 2009. – № 4 (8). – С. 39–49.

Карамышева Л.М. Словосочетания – названия ветров в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры. – Вып. 9. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. – С. 40–45.

Подюков И.А. Названия лодок как отражение традиционной хозяйственной культуры Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. XXI. – Пермь, 2022. – С. 143–150.

Сведения об авторе:

Подюков Иван Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: podjukov@yandex.ru.

About the author:

Ivan A. Podyukov, Professor of the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: podjukov@yandex.ru.

УДК 81'22.

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-83-90

Е.Н. СВАЛОВА**ЭВФЕМИЯ В ЖИВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ**

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

Профессиональный язык как неотъемлемая часть культуры трудового коллектива представляет интерес для исследователей, поскольку отражает особенности мировоззрения людей, их ценностные ориентации и установки. Эвфемистические замены в профессиональной речи по способам создания и функциям соотносятся с эвфемизмами в системе русского языка и вместе с тем демонстрируют особенности профессиональной вербальной коммуникации. Наличие в профессиональной речи эвфемизмов связано со спецификой профессионального дискурса: опасная профессия требует разного рода умолчаний, которые обеспечивают говорящему психологическую защиту. Среди способов эвфемистической замены в профессиональной шахтерской речи можно отметить: слова, нивелирующие физическую опасность; эвфемизмы, вуалирующие тему смерти; использование аббревиатур в ситуациях, когда речь идет об угрожающих жизни или здоровью человека факторах. В целом речь представителей шахтерской профессии иллюстрирует психологию опасной деятельности – привычка рисковать и оценивать риск как добровольный выбор, сопряженный с жизнестойкостью и мужеством. Связь с традицией реализуется в профессиональной речи, в частности, ориентацией на традиционную для народной культуры оппозицию «свой – чужой» и использованием в качестве апотропея вербальных оберегов.

Ключевые слова: социально-профессиональная группа, профессиональная языковая личность, вербальный код, профессиональная речь, эвфемизация, оберег, эвфемистическая замена, персонификация.

E.N. SVALOVA**EUPHEMIA IN LIVE PROFESSIONAL SPEECH**

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Professional language as an integral part of the culture of the labor collective is of interest to researchers, since it reflects the peculiarities of people's worldview, their value orientations and attitudes. Euphemistic substitutions in professional speech by the methods of creation and functions correlate with euphemisms in the system of the Russian language and at the same time demonstrate the

© Свалова Е.Н., 2023

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-412-590002 «Промышленные горнозаводские субкультуры Прикамья в языковом отражении».

features of professional verbal communication. The presence of euphemisms in professional speech is associated with the specifics of professional discourse: a dangerous profession requires various kinds of omissions that provide psychological protection to the speaker. Among the ways of euphemistic substitution in professional miner 's speech , it can be noted: words that neutralize physical danger; euphemisms that veil the topic of death; the use of abbreviations in situations when it comes to life-threatening or human health factors. In general, the speech of representatives of the mining profession illustrates the psychology of dangerous activity – the habit of taking risks and assessing risk as a voluntary choice, coupled with resilience and courage. The connection with tradition is realized in professional speech, in particular, by focusing on the traditional opposition of "friend-foe" for folk culture and using verbal charms as an apotropee.

Keywords: *socio-professional group, professional linguistic personality, verbal code, professional speech, euphemization, amulet, euphemistic substitution, personification.*

Профессиональная речь, безусловно, представляет собой маркер определенной социальной группы, члены которой характеризуются отличным от не-причастных к профессии людей взглядом на окружающий мир и на свое место в нем в связи с владением специальным знанием. Закрытость социальной группы проявляется наличием специального языка, который ее участники используют для коммуникации с коллегами. Часто непонятный большинству, он интригует лингвистов, которые не просто проявляют к нему интерес, но и стремятся интерпретировать механизмы его создания. Рассматривая профессиональный язык как отражение профессиональной культуры, М.Б. Казачкова использует термин «профессиональная языковая личность – сосредоточение наиболее общих характеристик языковой личности определенного профессионального социума» [Казачкова, 2010, с. 71]. Специфику профессионального дискурса анализирует Л.С. Бейлинсон и к числу его конститутивных признаков относит «следующие параметры профессиональной речи: 1) профессионально осмысленная предметная сфера; 2) инструментарий; 3) профессиональные оценки качества работы; 4) профессионально маркированные стратегии коммуникативного поведения; 5) профессиональная самопрезентация [Бейлинсон, 2009, с. 148].

Ярким признаком профессионального языка является наличие в нем эвфемизмов – обозначений, которые говорящий предпочитает прямым номинациям. Н.С. Скрипичникова отмечает, что ряд устойчивых словесных комплексов в устной профессиональной коммуникации имеет «ярко выраженное эвфемистическое происхождение» [Скрипичникова, 2016, с. 86]. Так, «для сотрудников полиции и правоохранительных органов в целом наиболее значимыми являются такие эвфемизмы, как существительное *дела* и глагол *садись*: ср. рифмованные подхваты: “Как дела? – Дела у прокурора” или “Садитесь! – Сесть я всегда успею!”» [Там же, с. 144].

Н.А. Белова и И.В. Вержинская исследуют лингвистическую природу эвфемизмов, которые «являются установленными социальными нормами речи, поведения, способа мышления и нравственного мировоззрения», поэтому «особенно важным является изучение их функций и применения в речи» [Белова, Вержин-

ская, 2017, с. 65]. По справедливому замечанию А.Ю. Мирониной, «эвфемизмы характеризуют внутреннюю жизнь общества – его конфликты, страхи и предпочтения» [Миронина, 2010, с. 88].

Учеными активно изучаются эвфемизмы в речи медицинских работников и работников силовых структур, при этом отмечается, что «основным способом образования эвфемизмов в медицине являются иноязычные заимствования» [Осипов, 2011, с. 110], а в среде работников силовых структур «замена слов родовым понятием» [Там же, с. 111]. Е.Д. Гоман констатирует, что «эвфемизмов в речи медицинских работников больше, чем дисфемизмов» [Гоман, 2015, с. 851], «так как медицинская этика требует внимательного отношения к слову как при общении с пациентами, так и с коллегами [Там же]. В рамках статьи остановимся на описании эвфемизмов в живой речи шахтеров на территории Пермского края.

Исследуя профессиональный язык шахтеров, Л.В. Прибытова указывает, что «особый интерес представляют профессиональные языки, которые можно рассматривать в качестве транслятора умственно-духовных установок социально-профессиональной группы, обуславливающих ее мировосприятие, ценности и поведение [Прибытова, 2013, с. 254]. Важным, на наш взгляд, является замечание о том, что в опасных профессиях «страх [смерти] преодолевается посредством эвфемизации: так, например, последняя по счету рабочая смена перед выходными шахтерами намеренно называется крайней и никогда последней» [Прибытова, 2013, с. 255]. В речи пермских шахтеров также есть запрет на слово **последний**, смену перед выходным или отпуском эвфемистически обозначают **край, крайняя** ‘о последней смене перед выходным или отпуском’ (*Никогда не говорят «последняя», всегда говорят «край». Никогда, что смена «последняя», всегда говорят «крайняя»* – Сараны Горнозаводского района; **Крайнюю** смену говорим, потому что мы собираемся еще возвращаться туда, последняя это для тех, кто уходит на пенсию, увольняется или чего хуже – Соликамск). Погибшего в аварии горняка называют **нулевым** (вероятно, по типу «двухсотый» («груз 200»)) – о погибшем военнослужащем), а фразеологизм **ноль разменять** употребляется в значении – погибнуть (*У нас трое ноль разменяли, когда целики седьмого пласта брали. Хлопок, и не стало ребят* – г. Кизел). Е. Николаева отмечает «ряд устойчивых выражений терминологического характера с прилагательным нулевой: нулевой цикл (подземная часть зданий и сооружений; подготовительные работы на строительстве), нулевая ничья (в спортивных играх – счет ноль – ноль) <...> И более новые: нулевой уровень владения языком, дорога нулевой категории, нулевая рентабельность, нулевая облачность и т. п. [Николаева, 2016, с. 113], нулевой пациент – первый заразившийся пациент в популяции эпидемиологического исследования, нулёвый – абсолютно пьяный. Обозначение погибшего прилагательным **нулевой**, которое выражает стремление оградить себя от темы смерти, нивелировать страх перед опасностью и ощущением трагизма, основывается на идее ‘бесконечно малый, почти отсутствующий’.

М.Б. Казачкова отмечает, что «эвфемизации можно добиться с помощью использования аббревиатур и сокращений» [Казачкова, 2010, с. 68]. Н.Б. Фельдман детально анализирует аббревиатуры в лексике атомной отрасли и отмечает, что владение «профессиональными аббревиатурами является способом профессиональной индикации специалиста, то есть определения его принадлежности к определенной сфере деятельности» [Фельдман, 2020, с. 128]. Так, в речи шахтеров фиксируются аббревиатуры **ВМ** (взрывчатые материалы) и **ОШ** (огневой шнур – огнепроводный шнур, выполненное в виде гибкого шнура пиротехническое средство для передачи огневого импульса на капсюль-детонатор или пороховой заряд для осуществления подрыва): *Нельзя брать ВМ, пока не обурил забой. Если ящик под взрывчатку есть, берут* (Сараны Горнозаводского района).

Безличный глагол **поймать** ‘причинить вред’, вероятно, используется в шахтерской речи как вербальная защита – не говорить прямо о том, что может навредить: *Ребята посмотрят – опасно, и со мной такое было, не пойду, говорю я, туда обычно надо, говорю, садись со мной я буду работать, а ты сиди. Если, говорю поймают нас, то обоих* (г. Кизел) и *На Верхней Губахе когда на Майке, тоже бригаду поймало там в лаве, убило их, всех. Так я пацаном был, бежали смотрели, интересно в морге там, в окошко. Только кое как их вытащили оттуда в спецовках лежали все, человек пять мужиков* (г. Губаха). Подобные защитные слова С.И. Романов, например, квалифицирует как «эвфемизмы-обереги – единицы, коммуникативной интенцией которых является замена в защитных целях нежелательного наименования на приемлемое» [Романов: эл.ресурс]. Глагол **поймать** в составе фразеологизмов достаточно продуктивен в пермских говорах (например, *грибы поймали, Гришка поймал* ‘кто-л. заболел гриппом’ [СПГ 1, с. 188], *поймать тиф* ‘заболеть какой-то смертельной болезнью’ [СПГ 2, с. 142]) и в русском языке вообще: *белку ловить (поймать)* – ‘впадать (впасть) в состояние белой горячки’ [Сеничкина, 2008, с. 64].

Глагол **погасить** связан с отглагольным существительным **погашение** (у шахтеров ‘цикл подземных работ по ликвидации горных выработок или извлечению полезного ископаемого, временно оставляемого в целиках, межслоевой и подкровельной толщах’ – *Систему завалили, добыча была прекращена, и рудник погасили*, г. Кизел). Одновременно он соотносится с парадигмой метафор из человеческой жизни: человек *потух, погас, угас, сгорел* [Быкова, 2011, с. 6], ср.: в речи охотников эвфемизм *сгаснуть* ‘умереть (об охотничьей собаке)’ (*Собака умерла твоя, грубо охотник не скажет – околела. Скажет – сгасла* – п. Шордын Гайнского района). Персонификацию (см. также об отантропонимической персонификации в профессиональной и жаргонной речи [Подюков, 2023]) во фразеологизме **Шахта дышит** (*После пяти ночью шахта начинает дышать своим воздухом. Чтобы никого на рабочих местах не было и чтобы сидели в чайхане после пяти, начинают падать заколы. Травмоопасный период. Это закон шахтёра* – Сараны Горнозаводского района) непосвященный интерпрети-

рует как разновидность метафоры, которая, очевидно, отражает отношение к материальному (неодушевленному) как к живому существу. Но тот, кто видит процесс изнутри, «дыхание» шахты объясняет вполне логически: «Шахту тоже зимой проветривать труднее, хотя «дышать» ей нужно глубже, чем летом, ведь интенсивность работ по добыче в эту пору года обычно даже возрастает» [Дыхание шахты: эл. ресурс]. В большей степени отношения родства (душевного, сердечной привязанности) выражаются использованием термина родства **свояк** при обозначении опасного камня, который в скором времени отпадёт (*Вот, например, щель появилась, и ты по нему постукал, он не сильно гудит, это мы его называем – свой. Он упадёт только на чужого, он на меня не упадёт, он наш, он свой, он свояк. А если он начал пасть открывать, я убери его всегда* – Сараны Горнозаводского района). В приведенном фрагменте актуализирована традиционная для народной культуры «оценка “чужих” как враждебных и опасных существ» [СД 4, с. 58]. Свисающий с крови камень, представляющий опасность, пренебрежительно называют также словом **сопля** (*Вот приходишь, а под куполом сопля – уголь провис, такой сырой. Вот пришел как-то, начал работать, а сам наверх посматриваю, там сопля такая висит, только шаг сделал в сторону, все отвалилось и мне вдоль спины всё, всю одежду порвало, уголь под кожу вдоль спины, под шкуру-то. Домой пришёл, всего трясёт, дак дочка потом уголь-то долго выцарапывала из-под кожи, мелкий такой, черный* – г. Губаха): ср.: у электромонтеров *сопли* – это свисающие абы как провода, у игроков в настольный теннис *повесить соплю* – шарик перелетает на сторону соперника и едва касается края стола (может быть и при подаче) или сетки (после обмена ударами) и движется по непредсказуемой траектории, у воров-домушников *сопля* – дверная цепочка.

В качестве защиты перед опасностью в профессиональной речи используется традиционная молитва-оберег, которую произносят при уходе из дома на работу в шахту: *Уходя из дома, перекрестись и скажи: Ангел мой, пойдём со мной, ты впереди, я с тобой, и домой вернёмся. Я каждый день это делал* (Кизел). Шахтерское пожелание уходящим на смену **Лёгких метров** отражает специфику тяжёлой шахтерской работы – под землей на большой глубине. Напутствие как бы сглаживает риск и прогнозирует психологическую защищенность работника (ср.: в песне В. Высоцкого «Марш шахтеров» – *Не космос – метры грунта надо мной, / И в шахте не до праздничных процессий, / Но мы владеем тоже внеземной – / И самую земную из профессий*). О.Д. Пастухова отмечает, что «в прагматике эвфемизмы также выполняют функцию табу [которое] является непосредственной психологической основой появления феномена эвфемизма [Пастухова, 2019, с. 56].

Как название совокупности горизонтальных горных выработок на шахтном поле зафиксирован термин **горизонт** (*Горизонт у шахты – место; сколько-то пробили от главного ствола. Потом идёт отсек – первая выработка угля, вторая – п. Скальный Чусовского района; Горизонты – это этажи. Вот у нас*

было три горизонта. Спускались мы на клетки, это как лифт шахтный, и он останавливается на каждом горизонте – г. Соликамск). Использование его в составе шутливого эвфемического фразеологизма *Двухметровый горизонт* ‘о могиле’ (ср.: *двухметровая квартира* [Сеничкина, 2008, с. 153], *два метра* [Там же, с. 104] ‘могила’, *подавать (подать) заявление на два метра* ‘умирать’ [Там же, с. 321]), по-видимому, можно объяснить психологией опасного труда, когда человек настолько предан профессии, что не мыслит себя без нее даже после смерти. Преданность профессии и шахтерскому братству до конца (до смерти) отражается и в эвфемическом выражении *гудка дали* по кому-л: *Гудка дали. Уж года три как нету его живого, жена уехала, дети давно в городе* (п. Сараны Горнозаводского района). Протяжный, низкий звук сигнала, который подают на шахте при прощании с умершим (погибшим) шахтером, символизирует связь между живыми и мертвыми (как и другие звуки в похоронно-поминальной обрядности): *Шахтёрские похороны – народу много. Все шахтёры. Гудок дают. Всегда дают, если ты столько лет на шахте проработал, гудок дают. Вот Женьку сейчас недавно похоронил, друга, он не погиб, ничо, сердечко тормознуло. Тоже всю жизнь скреперистом отработал, регресс заработал и, видимо, клапан перекрылся* (п. Сараны Горнозаводского района).

Не всякая деятельность и сопровождающий ее вербальный код влекут эвфемистическую замену – «явление, которое зависит от лингвистических и экстралингвистических факторов и имеет социальный характер» [Морозова, 2022, с. 393], «количество эвфемистических замен служит показателем значимости того или иного явления в жизни людей и интенсивности отрицательных ощущений, связанным с ним» [Миронина, 2010, с. 88]. Профессиональная коммуникация как феномен, в особенности те ее области, которые практически не исследованы специалистами, нуждается в изучении, так как особенности вербального взаимодействия в трудовом коллективе иллюстрируют профессиональную картину мира, отраженную в языке. Пристального внимания заслуживают, на наш взгляд, не только профессионализмы (лексические единицы) в живой речи и фольклорных текстах, но и повествовательный дискурс в целом – устные рассказы о профессии, об отношении к опасному труду, о профессиональных запретах, предписаниях и суевериях.

Список источников

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т.4 / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009.

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

СПГ 1 – Словарь пермских говоров. Вып. 1. А – Н. – Пермь, 2000.

СПГ 2 – Словарь пермских говоров. Вып. 2. О – Я. – Пермь, 2002

Библиографический список

Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкозн. – 2009. – № 1 (9). – С. 145–149.

Белова Н.А., Вержинская И.В. Лингвистическая природа эвфемизмов на материале английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 10(76): в 3 ч. – Ч. 3. – С. 65–68.

Быкова А.А. Метафоры с семантикой температурных изменений: лингвокультурологический и когнитивный анализ // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 3. – С. 5–11.

Гоман Е.Д. Эвфемия и дисфемия в речи медицинских работников // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: материалы 67-й науч. конф. / отв. за вып. С.Д. Ваулин; Юж.-Урал. гос. ун-т. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – С. 847–852.

Дыхание шахты [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sinref.ru/000_uchebniki/01701gornoe_delo/003_mnogoliki_mir_shahti/010.htm (дата обращения: 01.10.2023).

Казачкова М.Б. Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры: монография. – М.: Оргсервис – 2000, Одинцово, 2010. – 112с.

Миронина А.Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ) // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – С. 85–89.

Морозова О.А. Особенности функционирования эвфемизмов в русской языковой картине мира // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 1, ч. 2. – С. 388–395.

Николаева Е. Растущая роль ноля в русской фразеологии // Филология и культура. – 2016. – № 2 (44). – С. 110–115.

Осипов А.В. Особенности эвфемизации в профессиональной коммуникации (на примере лексики медицины и силовых структур в русском и английском языках) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). Филология. Искусствоведение. – Вып. 60. – С. 109–111.

Пастухова О.Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2019. – 191 с.

Подюков И.А. Отантропонимической персонификация в профессиональной и жаргонной речи // Вопросы ономастики. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 80–91.

Прибытова Л.В. Профессиональный язык шахтеров как отражение ментальности его носителей // Язык и культура. – 2013. – № 9. – С. 253–258.

Романов С.И. Лингвокультурологический аспект эвфемизмов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2021 [Электронный ресурс]. –

URL: <https://rusexpert.ru/public/avtoreferaty-pdf/Romanov2021.pdf?ysclid=lmht3gmpy3356458605> (дата обращения: 05.10.2023).

Скрипичникова Н.С. Устойчивые словесные комплексы в устной профессиональной коммуникации: дис. канд. филол. наук. – Челябинск, 2016. – 268 с.

Фельдман Н.Б. Структурные особенности и специфика функционирования аббревиатур в профессиональном дискурсе (на примере лексики атомной отрасли) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – № 26(3). – С. 121–130.

Сведения об авторе:

Свалова Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: svalova87@mail.ru.

About the author:

Ekaterina N. Svalova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: svalova87@mail.ru.

УДК 811.511.13

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-23-91-100

А.С. ЛОБАНОВА**ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ СО СЛОВОМ «ПЕСТЕРЬ»
В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ**

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

В статье представлена попытка определения культурной семантики наименования бытового предмета пестерь (к-п. «пестер», «песьтер», «песьтера»), фигурирующего в составе коми-пермяцких фразеологизмов и устойчивых сравнений. Источниками исследования стали полевые материалы автора, коми-пермяцкие фольклорные и художественные тексты, данные «Коми-пермяцкого фразеологического словаря» (2010).

В исследовании рассматриваются существующие в сознании коми-пермяков типичные представления, связанные с бытовым предметом пестерь.

Рассмотрены вопросы происхождения лексемы «пестерь».

Опираясь на функционально-семантический метод исследования, выявляются стереотипы, связанные с обозначенной бытовой утварью. Так, ряд физических особенностей человека коми-пермяками часто интерпретируется с использованием этого образа. Широкая метафоризация и коннотация слова «пестер» («песьтер») в речи коми-пермяков происходит в силу больших размеров бытового предмета, его не всегда приглядного внешнего вида, больших внутренних объемов.

Лингвистические материалы позволяют выделить несколько мотивированных коннотаций: внешний вид и физическое состояние субъекта. Объектом внимания при метафоризации часто становятся части тела человека – лицо, голова, рот, ноги, женская грудь, которые характеризуются внешним изъяном, как правило, слишком большим размером. В силу ассоциативно-образных признаков анализируемого объекта метафоризации подвергаются физические состояния человека – глухота, чрезмерный аппетит, усталость.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, стереотип, коннотация, устойчивое выражение, метафорический перенос, культурная семантика.

A.S. LOBANOVA**EVALUATIVE CONNOTATIONS ASSOCIATED WITH THE WORD
“PESTER” IN THE KOMI-PERM LANGUAGE**

*Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russian Federation*

The article presents an attempt to determine the cultural semantics of the name of the household item “pester” (K-P. “pester”, “pes’ter”, “pes’tera”), appearing in the Komi-Perm phraseological units and stable comparisons. The sources of the research were the author's field

© Лобанова А.С., 2023

Работа выполнена в рамках реализации гранта 20-412-590005 Р_а_Пермский край «Лексическое пространство коми-пермяцкого языка».

materials, Komi-Perm folklore and literary texts, data from the Komi-Perm Phraseological Dictionary (2010).

The study examines the typical ideas existing in the minds of Komi-Perm people associated with the everyday subject “pester”.

The questions of the origin of the “pester” lexeme are considered.

Based on the functional-semantic research method, the stereotypes associated with the designated household utensils are revealed. Thus, a number of physical features of a person by Komi-Perm people are often interpreted using this image. The broad metaphorization and connotation of the word ‘pester’ (“pes’ter”) in the speech of Komi-Perm people occurs due to the large size of the household item, its not always attractive appearance, large internal volumes.

Linguistic materials allow us to identify several motivated connotations: the appearance and physical condition of the subject. The object of attention in metaphorization often becomes parts of the human body – the face, head, mouth, legs, female breasts – which are characterized by an external flaw, usually too large. Due to the associative-figurative signs of the analyzed object, the physical conditions of a person are metaphorized – deafness, excessive appetite, fatigue.

Keywords: *Komi-Perm language, stereotype, connotation, set expression, metaphorical transfer, cultural semantics.*

Язык как культурный код нации, как средство трансляции духовного и культурного опыта носителя языка в современных лингвистических исследованиях становится ведущим принципом при анализе вербализованной формы этнического сознания.

Процессы и механизмы появления вторичной номинации слова приобретают в исследованиях особую актуальность, поскольку являются отражением мировидения народа.

Лексико-семантический анализ номинативных единиц коми-пермяцкого языка, обладающих культурной коннотацией, позволяет продемонстрировать взгляд этноса на окружающий мир, веками сформированные ценностные характеристики, предпочтения, зачастую – предостережения и запреты, а иногда и критическое восприятие действительности. Именно культурная коннотация является связующим звеном между двумя семиотическими системами – языком и культурой. В данном направлении нами выполнены некоторые исследования [Лобанова, 2014, 2015, 2016, 2017 и др.].

Довольно часто коннотация лексемы или выражения нуждается в грамотном комментарии. Ведь насколько привычными, знакомыми и понятными они являются в одном языке, такими же странными и необычными оказываются для носителя другого языка. Так, выражение *легкая рука* для носителя русского языка является смыслом того, что у человека любое дело, любые начинания реализуются хорошо и успешно. Подобное выражение в коми-пермяцком языке – *кокнит ки* «легкая рука» – содержит совсем другое смысловое понятие: так характеризуют человека, легко поднимающего руку на другого человека, способного ударить. Получается, что идентичные выражения в двух языках совсем не аналогичны по своему смысловому содержанию.

В данном исследовании объектом нашего внимания стали наименования предметов быта, их образная составляющая в языке коми-пермяков. Вернее, из всего многообразия коннотативных лексем тематической группы «наименования предметов быта» выбрана одна лексема *пестер* (диал. к-п. *песьтер, песьтера*).

В исследованиях, выполненных на материале русского языка, давно выяснено, почему жизнь обеспеченного человека ассоциируется «полной чашей»; беспричинно и без всяких ожиданий получить то, что нужно, и на самых выгодных условиях характеризуется «блюдечком с голубой каёмочкой», а если что-то резко и неожиданно пропало, погибло или испортилось, то это значит, что все «накрылось медным тазом».

Принимая мнение Л. Власовой, что лексика предметов быта «ценна в том аспекте, что она дает возможность обратиться к наиболее древнему, изначальному лексическому пласту языка, обслуживающему жизненно важную сферу физического существования человека» [Власова, 2002, с. 5], добавим, что она (лексика предметов быта) высоко образна и коннотативна: свойства и качества предметов активно переходят на человека и довольно легко начинают характеризовать его внешние особенности или характер.

Напомним, что предметы быта – это неотъемлемая составляющая в жизни человека, они отражают национальную специфику народа, характеризуют культурно-исторические реалии этноса. Как часто бывает в языке, обычные, всем известные названия предметов, закономерно приобретают в речи человека символические смысловые оттенки, которые народ вкладывает в те или иные бытовые номинации.

Материалы коми-пермяцкого языка показывают, что наименования предметов быта активны при описании внешних особенностей человека, его состояния и поведения. Номинации, связанные с различными размерами и объемами, также иногда реализуются «бытовыми» наименованиями. Например, устойчивым выражением *пыжъянён видзётны* (букв. «шилом смотреть») коми-пермяки реализуют способности человека смотреть пристально, пронизывающе, а фразеологизм *чёрс кок* (букв. «нога как веретено») в отрицательном аспекте характеризует слишком худые, длинные девичьи ноги. Выражение *шөмös курмөт* (досл. «поскребыш кадушки») связано с последним ребенком в семье. Метафоризации чаще всего подвергаются наименования кухонных принадлежностей, предметов деятельности человека, интерьера и т.д.

Итак, наименования бытовых предметов довольно часто приобретают образность и начинают употребляться в различных сравнениях и фразеологизмах. Их иносказательная семантика реализуется в разговорной речи коми-пермяков, фольклорных и художественных текстах. Например, *Рыг-рыг серömтчис Гераськоыс, мыччис ральник пасьта пиннесö да пиньöвтис пестер кодь ота рожабаннэсö* (С. Федосеев). «Ухмыльнулся Герасько, показал свои зубы, широкие как ральник, и перекошил свои широкие щеки, похожие на пестерь». Внеш-

ние качества таких предметов, как *ральник* и *пестерь*, подверглись метафоризации при описании зубов и щек персонажа.

Зачастую наименования домашней утвари становятся прозвищами: *Нёш Коля* (досл. «Колотушка Коля») – Николай получил прозвище из-за слишком большой головы; *Песьтер Рожса Нина* (досл. «Нина, лицо, похожее на пестерь») – надо полагать, что лицо Нины слишком широкое, что и стало причиной появления добавочного наименования.

Предметом нашего внимания в данном исследовании является слово *пестер* (варианты *песьтер*, *песьтера*) «пестерь» (рисунок). Попробуем выявить причины метафоризации лексемы в речи коми-пермяков и обозначить наиболее характерные коннотации.

В первую очередь, следует определиться, что принято называть словом *пестерь*. Практически во всех толковых словарях по русскому языку есть словарные статьи с данной лексемой. Приведем наиболее полный вариант. «**ПЕСТЕРЬ** м. *пестерь* м. сев. вост. *пестеря*, *пестерюга* м. *пеще(о, у)рь* вост. твер. тамб. *пехтерь* м. арх. кур. орл. тамб. *пихтерь* м. орл. кур. тул. большая, высокая корзина, плетенка раструбомъ, изъ прутняка, изъ коренника, плетеная или шитая, берестяная, лубочная, для носки сена и мелкого корму скоту; || лычный большой кошель, въ широкихъ ячеяхъ, набиваемый сеномъ; в плетеных пестерах держат шерсть, пеньку; также средней величины корзина, по грибы, по ягоды, которую носят на спине: мостинка, набируха (въ Акадмчск. ошибч. *пестерья*). *Пестерка* ж. *пещерье* ср. *пехтерець*, *пехтерокъ*, *пестерокъ*, *пещерокъ*, *пещурокъ*, *пещерикъ* м. кузовокъ, коробокъ, лукошко, плетушка; дорожный кошель, котомка для хлеба; куль, кулекъ. См. также: *пихать*, *пихрякъ* и *пихра*; *пехтерь* вероятно от *пехтерить*, *пихать*, и одного корня с *пестъ*, *пешня* и пр. *Экой ты пестерь*, *пехтеря!* *неповоротливый*, *неуклюжий мешокъ*. *Поворотливъ*, как *пещуръ*» [Даль, 1990, с. 104].

Относительно функционального аспекта лексемы *пестерь* О. Мищенко отмечает: «Лексема известна практически на всей территории России. ... Основными значениями, которые отмечаются почти на всей территории функционирования, являются ‘большая корзина для переноски травы, сена, мякины и т. п.’ и ‘заплечный короб из бересты или сосновой дранки’; помимо названных, встречается также целый ряд частных значений локального характера: ‘коробка, плетушка’, ‘долбленный деревянный сосуд для хранения меда’, ‘кулек, кулечек’, ‘рогожа для упаковки’, ‘небольшая корзина, лукошко’, ‘род ковшика из коры капины или из бересты’, ‘сумка для продуктов’, ‘котомка, мешок’, ‘плетеный кошель для переноски сена’, ‘лукошко из соломы, которое используют при ручном севе’, ‘плетеный кузов на санях, телеге’ и т. п.» [Мищенко, 2004, с. 79].

Лексема *пестерь* не раз привлекала лингвистов загадкой своего происхождения. М. Фасмер, приводя несколько мнений по поводу происхождения слова, отмечает, что все версии являются ненадежными [Фасмер, 1996, с. 250]. Более

поздние исследования, касающиеся в большей степени лингвогеографического функционирования слова, позволили ученым определиться с этимологией интересуемого слова. Вот какие выводы делает О. Мищенко: «Русский диалектизм *пестерь*, *пехтерь*, *бестёрь* и др., обозначающий разные виды корзин и котомок, не раз рассматривался в этимологической литературе. Разыскания последних десятилетий отдают предпочтение версии о заимствованном происхождении слова. ... Н.Г. Иванов предполагает марийский (древнемарийский) источник русского слова, а О.В. Востриков и А.Е. Аникин видят в нем субстратное включение из исчезнувших финно-угорских языков. Сложность заключается в том, что ни в каких других источниках, кроме волжско-финских, соответствий не обнаружено» [Мищенко, 2004, с. 78].

Выходит, что слово *пестерь*, являясь сегодня диалектизмом в русских говорах, своим происхождением обязано финно-угорским языкам. Проникло ли слово в язык коми-пермяков через русский язык, или оно уже было в речи до контактов с русскими – сказать сложно. Полагаем, что слово всё-таки было заимствовано из русского языка. Учитывая фонетические законы коми-пермяцкого языка (пермские языки знают ограничения гласных непервого слога – *е, о, у* не встречаются в непервом слоге), а также наличие мягкого *р'* в большинстве наименований (звук отсутствует в пермских языках), позволяет утверждать, что слово *пестер* финно-волжского происхождения, проникло в язык коми-пермяков через северорусские говоры. При заимствовании данного слова коми-пермяками произошла его адаптация к новым фонетическим законам: отсутствующие в языке мягкие звуки [п'] и [р'] в речи коми-пермяков стали твердыми; более активно стал проявляться общезыко-вой фонетический закон – регрессивная ассимиляция (палатализация), что и наблюдается при произношении данного слова [пэс'т'эр] вм. русского диалектного [п'ис'т'эр'].

Анализируемого слова нет в Кратком этимологическом словаре коми языка (1970) – к сожалению, авторов такого достойного словаря слово *пестерь* не привлекло своим вниманием. Если рассматривать моменты фиксации слова в диахроническом плане, следует отметить, что в рукописном словаре по пермяцкому языку Антония Попова 1785 г. составления интересуемой лексемы нет, а вот в словарях XIX в. она уже встречается. Следующим образом оформлена словарная статья в лексикографическом источнике Н. Рогова: «† Пестерj, с. кузовъ, обл. пестерь» [Рогов, 1869, с. 123]. Во всех современных словарях по коми-пермяцкому языку слово *пестер* зафиксировано. Добавим, что форма *пестер* предлагается в качестве литературного варианта [КПОС, 1992, с. 161], а в диалектах более употребительны варианты *песьтер* или *песьтера*.

Коми-пермяки словом *пестер* называют «средней величины плоский короб, берестяной или лубочный, который носят на спине» [Боба тэ, Боба ..., 2015, с. 316]. Берестяное изделие выполняют из полос берёсты косым или прямым

плетением. Ширина полосы могла быть от минимальных 5 мм до 6–7 см максимум. Лубяную корзину обычно носят на спине. Пестерем пользуются для сбора ягод и грибов. Не удивительно, что предмет актуален для северных коми-пермяков, где больше ягодных мест (клюква, брусника, черника и т.д.) и естественных грибных плантаций. Пестери делают разных размеров. Вот как рассказывает Надежда Златина, жительница села Жемчужный Гайнского муниципального округа: *Дядяёлн песьтерыс вёлі, ведра четыре вёлі төрліс, яй сыын ваяллис. Ёнөдз сія песьтерыс эм. Сто лется ни сія. А йиыс вёлі кучикись, но, кожаись.* «У моего дяди пестерь был, ведра четыре туда входило, мясо в нем приносил. До сих пор этот пестерь есть. Ему уже сто лет. А веревка была из кожи, ну, из кожи».

В коми-пермяцких фольклорных текстах этот предмет фигурирует в некоторых сказках. Так, в народной сказке *Бёб Ёмель* («Емеля-дурак») данный бытовой атрибут встречается как в качестве привычной ёмкости, так и в качестве волшебного атрибута: *Сетас тури Бёб Ёмельё съёрас пестер да пызандёра* «Отдал Журавль Емеле дураку пестерь и скатерть». *Пестер, пестер, оссы; пызандёра ольсассы* «Пестерь, пестерь, откройся; скатерть расстилайся» [Коми-пермяцкой народной устной поэтической творчество, 1960, с. 124].

Коми-пермяки активно используют в речи поговорку *Пестерсё патракас он дзеб* досл. «Пестерь в солонке не спрячешь» [Кытчö тійö мунатö, 1991, с. 191], которая соответствует русскому варианту *Шила в мешке не утаишь*.

Образность интересующего наименования широко представлена в языке. Метафоризации подвергаются размеры пестеря: что-либо непривычно большое сравнивается этим предметом. В предании о Пере-богатыре и лешем так описывается лесной хозяин. *Мыгёрнас вёрись вёлёма вёрысса вылынжык, коккес майёг кузяёсь, нинкёммес – топ пестеррез* «Ростом леший был выше леса, ноги длиной с жердь, лапти – словно пестери». Лапти лешего сравниваются с пестерем. Контекст высказывания наводит на мысль, что таким сравнением передается необычайно большой размер обуви лешего, однако в этом выражении, скорее всего, еще заложена и семантика материала, из чего она (обувь) выполнена, – это береста. В сказке *Ваня – бёб зон* («Иван – непутевый сын») слишком большой рот персонажа также сравнивается с анализируемым предметом: *Аслас ёмыс пестер ыжда* «У самого рот размером с пестерь». *Ёмезныс пестер ыждаёсь* «Их рты величиной с пестерь».

Данная коннотация наименования характерна и для художественных текстов. У В. Климова голова шуки сравнивается с пестерем: *пестер ыжда юра* букв. «голова размером с пестерь». И. Минин предложил такой контекст: *Трубкась пыркөтіс песьтер кодь нинкөм ныр бердас, тэчис сэтчö виль табак, вёлись горөтчис...* (И. Минин) в зн.: «Чтобы почистить трубку, постучал ею об носок лаптя, похожего на пестерь, после чего положил туда новый табак, и толь-

ко тогда промолвил ...». Хотя в контексте нет прямого указания на большие размеры лаптя, тем не менее устойчивое восприятие языком слова *пестер* как слишком большого предмета, здесь сыграло свою лексико-стилистическую функцию.

Большая женская грудь тоже может ассоциироваться с пестерем: *песьтер ыждаёсь няняэс* букв. «её грудь словно пестери» (Москвина, Куд.).

В коми-пермяцком языке выражения с компонентом пестер часто связаны с семантикой неприглядности, несимпатичности. *Абу ичмоньныс басёк, чужо́мыс песьтер кодь* – досл. «Их невестка некрасивая, лицо как пестерь» [КПФС, 2010, с. 206]. Большие, бесформенные размеры пестеря дали повод возникновению устойчивого сравнения *песьтер кодь* «словно пестерь». Подобные выражения активны и на страницах коми-пермяцких художественных текстов. *Митиперыс эз понды кывзыны, мый сы йылісь думайтё пестер пасьта чужо́маыс* – досл. «Митипер не стал слушать, что о нем думает лицо шириной с пестерь» (С. Федосеев).

Слишком толстые ноги также сравниваются с анализируемым бытовым предметом. *Песьтер коккезё сапогам озё тёрё* букв. «Мои ноги-пестери в сапоги не пролезают (в голенища сапог)» (Москвина, Куд.). Неудобство, тяжесть при ходьбе и некрасивый вид – все эти смысловые нагрузки реализуются фразеологизмом *песьтер кок* – букв. «нога как пестерь».

Образ полного человека возникает при употреблении фразеологизма *кыз песьтер* букв. «толстый пестерь». Например, *Кытчё нё Аннаыс, кыз песьтерыс, кольччис?* «Куда Анна, толстый пестерь, осталась?» [КПФС, 2010, с. 97].

Все отмеченные выше позиции, связанные с визуальными характеристиками предмета и реализующие семантику чего-то слишком большого, следовательно, не всегда симпатичного и удобного, вполне ожидаемы. Подобные процессы наблюдаются и с другими наименованиями бытовых предметов.

Далее рассмотрим другие коннотации слова *пестер*, которые с внешними признаками предмета связаны в меньшей степени. Так, плохо слышащего человека коми-пермяки называют *вукёй (глуко́й) песьтер* букв. «глухой пестерь». *Сія мян вукёй песьтер, баит горёнжык* в зн. «Он у нас плохо слышит, говори громче» (Москвина, Куд.). Выражением *вукёй песьтер* «глухой пестерь» связываются уже не внешние признаки предмета, в качестве ведущего признака выходят иные качества: внутренняя пустота предмета, оказывается, может соотноситься с глухотой. В известном романе В. Климова «Гублян» зафиксировано еще одно выражение с интересующим словом: *вевта пестер* – букв. «пестерь с крышкой»: *Эта вылё Олявка нем эз вермы висьтавыны: мыдз юрыс вёлі топ пыктём, дундём и нач и нач пустой, бытьтё вевта пестер, – эз ни вермы думайтны* – букв. «На это Олявка ничего не могла ответить: уставшая голова была точно опухшей, вздувшейся и совсем-совсем пустой, будто закрытый пестерь, – она не могла уже думать» (В. Климов). Пустой пестерь с крыш-

кой ассоциируется с отсутствием возможности думать, принимать решения. Даже хороший аппетит человека в речи может реализовываться интересуемым нас компонентом. *Пыддӱстӱм песьтерсӱ тыртны оз вермы, рытывбыт ни сӱйӱ* досл. «Бездонный пестерь свой наполнить не может, целый вечер уже ест» (Москвина, Куд.). Устойчивое выражение *пыддӱстӱм песьтер* (букв. «бездонный пестерь») довольно употребительно. Коннотации возникли с большими размерами предмета, но они не связаны с внешними, бросающимися в первую очередь в глаза признаками, они ассоциируются с внутренними объемами бытового предмета.

Лексико-грамматическими средствами образования иносказательных выражений с компонентом *пестер* являются: устойчивые сравнения – *пестер насъта* «шириной с пестерь», *пестер ыжда* «размером с пестерь», *пестер кодъ* «как пестерь» и др.; фразеологические обороты – *пыддӱстӱм песьтер* букв. «бездонный пестерь», *вукӱй (глукуй) песьтер* букв. «глухой пестерь», *кыз песьтер* – букв. «толстый пестерь» и др.

Таким образом, широкая метафоризация и коннотация слова *пестер* (*песьтер*) в речи коми-пермяков происходит в силу больших размеров бытового предмета, его не всегда приглядного внешнего вида и внушительных внутренних объемов.

Объектом внимания при метафоризации часто становятся части тела человека – лицо, голова, рот, ноги, женская грудь, которые характеризуются внешним изъяном, как правило, слишком большим размером. В силу ассоциативно-образных признаков анализируемого объекта метафоризации подвергаются физические состояния человека – глухота, чрезмерный аппетит, усталость.

Активная частотность иносказательных выражений с компонентом *пестер*, безусловно, связана со значимой важностью предмета в обыденной жизни коми-пермяка.

Библиографический список

Боба тэ, Боба, кытчӱ тэ ветлін? Детский фольклор коми-пермяков: сборник фольклорных текстов и комментарии / сост. Т.Г. Голева, А.С. Лобанова, Н.А. Мальцева и др. // Труды Института языка, истории, традиционной культуры коми-пермяков. Вып. XI. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2015. – 400 с.

Власова Л.А. Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2002. – 31 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М.: Рус. яз., Т. 3: П. – 1990. – 555 с.

Коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтической творчество / автор-сост. В.В. Климов. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1960. – 227 с.

КПОС – Коми-пермяцкӧй орфографической словарь / авторрез-сост.: Р.М. Баталова, А.С. Кривощёкова-Гантман. – Кудымкар, 1992. – 279 с.

КПФС – Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII. / автор-составитель О.А. Попова. – Пермь, 2010. – 344 с.

Краткий этимологический словарь коми языка / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Кытчӧ тӧйӧ мунатӧ? Том II. / автор-сост. В.В. Климов. – Кудымкар: Перм. кн. изд-во, Коми-Перм. отд-ие, 1991. – 285 с.

Лобанова А.С. О культурных коннотациях отдельных этнонимов в языке коми-пермяков // Традиционная культура. – 2014. – № 3. – М., С. 85–91.

Лобанова А.С. «Одежный» код в коми-пермяцких фразеологизмах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всероссийской научной конференции. – Пермь, 2015. – С. 218–223.

Лобанова А.С. Орнитоним РАКА «ВОРОНА (ВОРОН)» в коми-пермяцком языке. Лингвокультурологический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – Вып. 4 (36). – С. 22–30.

Лобанова А.С. Некоторые сведения об образе женщины в традиционной культуре коми-пермяков: лингвокультурологический аспект // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы IV Всероссийской конференции (с международным участием). – Пермь, 2016. – С. 237–244.

Лобанова А.С. Ящерица (дзӧдзӧв) в культуре и в языке коми-пермяков. Ономазиологический и семасиологический аспекты // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – Ижевск, 2017. – С. 459–467.

Лобанова А.С. О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан, пистик, горадзуль // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всероссийской научной конференции. – Пермь, 2017. – С. 240–248.

Мищенко О.В. К этимологии рус. диал. ПЕСТЕРЬ, ПЕХТЕРЬ, ПЕЩЕР // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов. Вып. 5. / под ред. М.Э. Рут, Л.А. Феоктистовой. – Екатеринбург: УрГУ, 2004. – С. 78–91.

Попов 1785 – Краткой пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитажное собр. – № 206. – 81 л.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Издание третье, стереотипное / пер. с нем. О.Н. Трубачёва. Т. III. – СПб., 1996. – 831 с.

Сведения об авторе:

Лобанова Алевтина Степановна, канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: lobanova@pspu.ru.

About the author:

Alevtina S. Lobanova, Associate Professor of the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Perm Languages and Methods of Teaching Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: lobanova@pspu.ru.

Рис. Заплечный короб – пестерь

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
ПОЗДРАВЛЕНИЕ КОЛЛЕГЕ И СОРАТНИКУ	5
<i>ВАЙМАН Д.И.</i> К ЮБИЛЕЮ УЧИТЕЛЯ: НАУЧНЫЙ ПУТЬ ЧЕРНЫХ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА	6
<i>ГОЛОВНЁВ А.В.</i> МНОГОНАРОДНОСТЬ В РЕПЕРТУАРЕ ЭТНОГРАФА	21
<i>ЗОРИН В.Ю., КАМЕНСКИХ М.С., СУББОТИНА А.А.</i> ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ ПЕРМСКОГО КРАЯ	31
<i>КЛЯУС В.Л.</i> «ЭКСПЕДИЦИЯ НАЗЫВАЕТСЯ!» – ИСПОЛНИТЕЛЬ ФОЛЬКЛОР VS ИССЛЕДОВАТЕЛЬ: ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА	42
<i>ВОСТРОКНУТОВ А.В.</i> ТРАДИЦИИ ПЛЕТЕНИЯ ИЗ СОСНОВОЙ ЩЕПЫ (ДРАНКИ) В КРАСНОГОРСКОМ РАЙОНЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ 2023 Г.	54
<i>ЧЕРНЫШЕВА Ю.С.</i> ЛИЧНЫЙ ФОНД ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КАК СПОСОБ ХРАНЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ	60
<i>НЕГАНОВ С.В.</i> АРХИВНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ НОВАЦИЯ В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА	68
<i>ПОДЮКОВ И.А.</i> ЛЕКСИКА СУДОХОДСТВА В ПЕРМСКОМ КРАЕ ПО ФАКТАМ ДИАЛЕКТНОЙ И ЖАРГОННОЙ РЕЧИ	73
<i>СВАЛОВА Е.Н.</i> ЭВФЕМИЯ В ЖИВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ	83
<i>ЛОБАНОВА А.С.</i> ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ СО СЛОВОМ «ПЕСТЕРЬ» В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ	91

Научное издание

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск XXIII

Антропологические и этнологические исследования:
история и современность

Сборник научных трудов к юбилею А.В. Черных

Под общей редакцией А.М. Белавина

На обложке – Тканый кушак из деревни Ефремова Юрлинского района

Договор размещения издания в НЭБ eLibrary 697–11/2013. Издание включено в РИНЦ

Р е д к о л л е г и я :

Белавин Андрей Михайлович

(гл. редактор)

Крыласова Наталья Борисовна

Батуева Надежда Сергеевна

Сарапулов Алексей Николаевич

Подосенова Юлия Александровна

Издается в авторской редакции.

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 29.11.2023. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 12,75. Тираж 200 экз. Заказ № 267.

Издательство Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33.

Отпечатано в типографии Издательства
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33.